

Ветви ТЕРНОВНИКА

Брюс
Фёдоров

Брюс Федоров

Ветви терновника

«PUBLISH-SELL-BOOK LLC»

2016

Федоров Б.

Ветви терновника / Б. Федоров — «PUBLISH-SELL-BOOK LLC», 2016

В чём смысл жизни? Этот вопрос задаёт себе каждый. Один скажет – в том, чтобы открыть новую звезду, другой – в том, чтобы наслаждаться жизнью во всей её красе, а третий будет уверен в том, что главное – это успеть совершить подвиг. И все они будут в чём-то правы, но смогут ли они ответить на вопрос – что такое любовь?

© Федоров Б., 2016

© PUBLISH-SELL-BOOK LLC, 2016

Содержание

Глава I	6
Глава II	20
Часть I	20
Часть II	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Федоров Брюс

Ветви терновника

И явился ему Ангел Господень в пламени огня из среды тернового куста. И увидел он, что терновый куст горит огнём, но куст не сгорает...
Вторая книга Моисея 3:2–4

Эта история начиналась в Москве в Московском Государственном Институте Международных Отношений, но могла произойти в любом российском вузе и городе.

Глава I

Благословенны дни юности

Лекция по экономической статистике тянулась неправдоподобно долго. Голос ветерана отечественной статистики профессора Бибикова то повышался до восторженных панегириков в адрес предмета его профессионального интереса, то вновь стихал, превращаясь в полусшёпот и невнятное бормотание, что-то насчёт нормативных коэффициентов и национальных счетов. Это был наиболее ожидаемый момент, так как позволял полусонной студенческой аудитории в очередной раз впасть в состояние тревожного оцепенения так как, наверное, только избранным уготована честь разбираться в хитросплетениях матрицы Томпсона и Стрикленда.

Пыльные лучи неяркого весеннего солнца, прорвав преграду из ещё немых после долгой московской зимы оконных стёкол и оставив в них большую часть своего ультрафиолета, принялись неспешно сканировать склонившиеся над развёрнутыми тетрадами головы очень молодых и ещё очень самонадеянных людей, самоотверженно пытавшихся вычленив из загадочного бормотания уважаемого мэтра статистической науки хоть какие-то более-менее понятные ключевые фразы и выводы, которые могли бы пригодиться для ожидавшей их зачётной сессии.

Дело в том, что профессор Бибилов являл собой весьма часто встречающийся в преподавательской среде тип людей, которые с трудом переносили чужое отличное от их собственного мнение. И потому многочисленные пособия, и методички по столь любимой им учебной дисциплине, рекомендованные всезнающим министерством высшего и среднего образования, воспринимались им ничем иным как заблуждение и вредный для усвоения материал.

Своё презрение к систематизированному официальному материалу профессор переносил также и на требования, которым он неукоснительно придерживался при приёме зачёта по своему предмету, сдать который даже лихая студенческая среда считала за высшее проявление ловкости и изобретательности. И самым надёжным приёмом для решения этого сложнейшего вопроса помимо, конечно, высокотворческого списывания считалось умение воспроизвести дословно некоторые профессорские фразы из его лекционного материала.

Рассеянный взгляд Данилы Бекетова, студента четвёртого курса коммерческого отделения факультета международных отношений МГИМО МИД СССР тоскливо скользил по притихшей аудитории, пока не наткнулся на пикантную мизансцену, которую разыгрывали две ранние мушки, запутавшиеся в курчавых волосах добродушного толстяка Коли Марченко, безнадежно заснувшего сбоку слева на крайнем стуле в том же ряду.

– Нет, эту чушь я никогда не пойму, – тоскливо думал Данила. – И пытаться не стоит. Одна надежда на Надю Соколову и на её волшебную тетрадь. Недаром она садится в первые ряды, чтобы не пропустить ни слова из этой белиберды. Вот уж характер. В школе одни пятёрки, так и здесь ни одного промаха. Ну, невозможно же любить всё подряд и всасывать в себя как пылесос. И не откажет же она мне, в конце концов, переписать эту дурацкую лекцию?

В этом Данила мог и не сомневаться. Надя была его давней знакомой, можно сказать подругой ещё со школьной поры и к тому же одноклассницей, с которой он учился в одной и той же школы с первого класса. Надя была действительно удивительным человеком и не стеснялась всюду и везде быть круглой отличницей. С ней было хорошо и просто. Можно было поболтать о пустяках, или узнать, как и чем живёт театральная Москва. И кто как ни она лучше всех знала, над каким книжным откровением сейчас мается или восторгается столичная окололитературная тусовка. Но вот пригласить её в кино, на спектакль или просто посидеть в кафе как-то всё не получалось.

Данила даже заёрзал на своём стуле от неудобных мыслей, хотя память и хранила пару смазанных неловких поцелуев, которыми он обменялся с Надей на выпускном школьном балу, когда они, сбежав от других после очередного лирического танца, где дамы приглашают кавалеров, уединились в полутёмной классной комнате.

– Да где, же этот звонок? – Данила даже глубоко вздохнул от охватившего его нетерпения. Ему уже надоело развлекать себя наблюдениями за озорными мухами в пышной шевелюре Кольки Марченко, которые, перестав жужжать и, видимо, устав от борьбы друг с другом в стиле нанайских мальчишкой, занялись, похоже, более серьёзным делом.

Другим праведным мученикам науки было лучше: и Наде, которая сидела впереди, склонившись над тетрадкой, и чья ладная гладко причёсанная головка высвечивала белым ровным пробормом, и увальню Кольке, покойно застывшему в летаргическом анабиозе под гипнотические мантры профессора Бибикова, и даже любовной парочке дрозифил, решивших устроить в Колькиных волосах уютное семейное гнёздышко.

Беспокойство Данилы объяснялось весьма просто. Не далее, как 15 минут назад к нему по рядам доплыла записка от его институтского друга ещё с первого курса Алексея Аксакова и постоянного соперника в общем увлечении большим теннисом, в которой тот сообщал, что ему удалось почти невозможное, а именно зарезервировать на 17.00 один из теннисных кортов в комплексе «Дружба» в Лужниках. Это была удача, так как в Москве число претендентов на свободную теннисную жилплощадь из года в год только увеличивалось.

– Ну, ничего, Леха, – размышлял Данила. – Сегодня ты у меня получишь. Мало того, что неделю назад разделал меня под орех, позволив выиграть только одну партию из трёх, так ещё потом и надсмехался надо мной на каждой перемене, советуя приобрести учебник с вдохновляющим названием «Азы тенниса для сельской местности».

Видишь, что придумал, после каждой подачи зайчиком мчится к сетке на перехват возвратного мяча. Ладно, придётся отбить у тебя охоту соваться к сетке. Конечно, лучшим воспитательным средством для Лехи мог бы оказаться не очень сильный удар мячом в корпус, а ещё лучше в лоб. Но это выглядит уж как-то совсем не по-товарищески. А вот заставить его дёргаться вправо-влево – вот это было бы совсем неплохо. Посмотрим, получится ли у тебя тогда нырять рыбкой вдоль сетки как Борис Беккер, в попытке подцепить хоть краем ракетки пролетающий мимо со свистом мяч.

– Так-то так, – с некоторым сомнением вздохнул Данила, – да вот с обводкой у меня проблемы. Ну не идёт у меня удар слева. Хоть ты тресни. Раз хорошо, а другой, то в сетку, то за пределы корта.

Огорчённый Данила опустил руку вниз и принялся шарить ею в поисках портфеля, который он так удачно затолкал то ли под стул, то ли под соседний стол. Найдя, он подтащил его поближе, открыл и стал последовательно перебирать содержимое, то доставая различные учебники и тетради, то заталкивая их обратно. Наконец с облегчением вздохнул и вытянул тонкую продолговатую брошюру.

Это была одна из его самых любимых книг, которую он старался держать при себе и даже выкладывал вечером на письменный стол дома, для того чтобы просто видеть её перед собой и для поднятия бодрости духа, главным образом в те моменты, когда приходилось листать учебники по различным мудрым, но бесконечно тугим предметам, познавая таинства политической экономии, марксистско-ленинской философии и особенно бухгалтерского учёта.

Эта брошюра, в которой-то и было не больше пятидесяти страниц, скрывала самые важные для него секреты, так как была написана его кумиром, которому хотелось соответствовать и подражать даже в мелочах, не говоря уж о великом искусстве владения теннисной ракеткой. Автором этого наставнического произведения был звезда мирового тенниса Джон Макинрой, которого Данила, если и не боготворил, то всё равно считал величайшим из великих в этом виде спорта.

«Вот это человек», – и Данила несколько раз любовно провёл рукой по обложке брошюры, на которой красовалась эффектная фотография изогнувшегося как струна спортсмена, с поднятой вверх ракеткой и изготовившегося послать первую на вылет убойную подачу. «Вот мне бы так, – принялся размышлять Данила. – Здесь не только Лёшка, а весь институт носил бы меня на руках. Кумир – это всегда исключительная личность. Ему доказывать-то ничего не надо. Всё на виду. Отличный парень, этот Макинрой. Сам, своей ракеткой прорубил себе дорогу к славе. Так просто этот предмет не разгрызёшь. Это тебе даже не статистика, а намного сложнее».

По-хорошему, надо бы в ближайшую субботу съездить на «Динамо» к Николаичу. Как-никак, а он тренер союзного значения, и договориться с ним о нескольких занятиях, чтобы поставить технику. Так просто Лёшку не возьмёшь. Разок, другой припечатать можно, так ведь отыграется потом, подлец. А тут ещё объявили на апрель внутри вузовский турнир по теннису. Серьёзная компания собирается, и не только наши институтские. Подтянется народ из других мест: из дипакадемии, МИДа, и что крайне опасно из МГУ. А там есть классные игроки. Расплющат только так. Мало не покажется. А нам с Лёхой доверили пару играть. Конечно, всё легче, чем одиночку, но тем не менее.

«Посмотрим. Ещё не вечер», – решил Данила и развернул книгу как раз посередине, где у него предусмотрительно была вложена бумажная закладка, изготовленная из вырванной страницы с записями какой-то лекции. А книга Макинроя была действительно хороша, с простыми пояснениями и соответствующими зарисовками поз и приёмов игры теннисиста, и, хотя издана на английском языке, но читалась легко и без затруднений. Как-никак, но студент четвёртого курса МГИМО уже должен был владеть достаточными языковыми знаниями, чтобы понимать несложные и чисто профессиональные тексты.

Книгу Данила особенно берёг и не показывал даже своим ближайшим товарищам не только потому, что хотел сам воспользоваться её советами, но также и потому, что в СССР такую литературу было достать практически невозможно. И за это он ещё больше был благодарен своему отцу, который уступая его просьбам, всё-таки сумел оторваться от своих служебных забот, и привёз, наконец, её из Австрии в Москву на очередной Новый год.

Устроившись поудобней, Данила с удовольствием погрузился в изучение очередного параграфа своей книги, как неожиданно в коридоре заверещал продолжительный звонок, оповещающий об окончании лекционного часа. Радостное оживление вновь вернулось в окончательно было притихшую аудиторию. Застучали откидные крышки столов, заёрзали отодвигаемые стулья, и весёлая от молодого задора студенческая орда разом двинулась на штурм приоткрывшейся половинки единственной в помещении двери.

Лица всех излучали неподдельное довольство, за исключением может быть только двух человек: профессора Бибикова, посчитавшего, что самого главного он так и не успел сказать, и студента Бекетова, который немного огорчился тем, что не сумел дочитать и понять тонкости подбора низко отскочившего мяча.

Казалось, это была обычная студенческая среда за тем исключением, что все эти беззаботные и жизнерадостные молодые люди, прежде чем оказаться под седыми сводами исторического особняка на Остоженке, а лучше сказать на Крымском валу, должны были пройти изощрённую и придирчивую систему отбора, и не только экзаменационного. Многочисленные комиссии, характеристики и проверки через систему комсомольских и партийных органов ожидали любого, кто дерзнул бы в советские времена размечтаться о мгимовских ступенях. Это была продуманная система отбора, которая гарантированно отсекала всех случайных, не сообразительных и непатриотичных.

Умудрённый трудоёмким опытом государственного и партийного строительства отдел кадров ЦК КПСС хорошо знал своё дело и как расчётливая и рачительная хозяйка неустанно заботился о создании достойной преемственности в системе государственного управления.

Да, это была вполне эффективная система по возвращению и воспитанию элиты общества, не уступающая по своему значению знаменитым Крайст-Чёрч и Гарварду.

Историческое здание Института как нельзя лучше отвечало своему предназначению по подготовке для государства профессиональных внешнеполитических кадров. И не потому, что в данном шедевре архитектуры в 20-м веке располагался Институт красной профессуры, а в 19-м – лицей цесаревича. Исторические корни этого места уходили в далёкое прошлое, в 16 и 17 века, когда великие московские князья выделили луговые пастбища на берегах Москвы-реки, у Крымского брода, для размещения официального представительства крымского хана, в те времена являвшегося главным внешнеполитическим соперником Московского княжества, с которым на этой территории велись регулярные дипломатические переговоры.

И об этом лицеисты уже двадцатого века узнавали почти сразу после успешной сдачи вступительных экзаменов.

Это были выходцы из семей красных комиссаров и самозабвенных площадных трибунов революционной поры, и представители гордых дворянских фамилий, переживших пронзительные тридцатые годы, и люди, прошедшие первые жизненные испытания в рядах советской армии и производственных коллективов. Всех выхаживала и примеряла под будущие задачи невидимая партийная рука.

Была ли это золотая молодёжь? Да, вполне. Почему нет, если иметь в виду вековую истину: кому многое даётся, с того многое и спросится.

А пока, что Лёшка Аксаков через весь зал семафорил поднятыми руками, стараясь привлечь внимание Данилы.

– Ну что ты телишься, – прокричал Лешка, когда они, наконец, встретились, вынесенные в коридор из лекционного зала студенческим водоворотом. – У нас остался ровно час, чтобы добраться до «Дружбы». Сейчас не лето, а в Москве крытые корты считанные. Деньги я туда уже закинул. Ну что, едем? Отлично. И друзья устремились вниз по лестнице в раздевалку и на выход.

– Эй, коллеги, куда это вы? – окликнул их кто-то сверху. На их счастье голос принадлежал их собрату по учёбе Борису Солнцеву, а не всепроникающему и строгому начальнику курса Николаю Ивановичу Баренцеву, которого все студенты где-то немного побаивались, но которой мог также оказаться последней инстанцией, у которой можно было найти поддержку в сложных переговорах с непреклонным деканатом о пересдаче завала или досрочной сдаче экзамена. Вот таким загадочным человеком был Николай Иванович, чей незримый авторитет простирался далеко за пределы учебного заведения.

– Ведь впереди ещё одна лекция, – менторским тоном произнёс Борис, стараясь скрыть одобрительные нотки по поводу прыти двух друзей. – У меня к вам дело. Всё очень срочно. Впереди пятница. Есть событие!

– Послушай, Боб, отстань. Не до тебя. Давай завтра.

– Ладно, пусть будет завтра. Не забудьте завтра подойти ко мне. Есть разговор.

Махнув Солнцеву на прощанье рукой, друзья выскочили на прохладную московскую улицу и вскачь понеслись к ротонде московского метрополитена.

– Нормально. Успеваем. – Лешка повернулся к Даниле, который также как он одной рукой балансировал на вагонном поручне, в другой держал портфель и сумку со спортивным инвентарём. – А что собственно Боб имел в виду?

– Да видно уж что-то придумал. Его что ли не знаешь? Пятница для него заветный день, чтобы встряхнуться. Недаром он сегодня полдня кучковался и о чём-то шептался со своими корешками Вовкой Петровским и Серёгой Крутым. Думаю, что они уже что-то придумали.

– Ха, ха. С ними действительно не соскучишься. Интересно, что они скажут? Ну а ты как Дэн? Готов сегодня реабилитироваться? – Лешка подзадоривающе толкнул сумкой своего

друга-соперника. – В прошлый раз ты явно просел. На тебя не похоже. Если и сегодня такой же снулый будешь, так я тебя и без ракетки обыграю.

– Ладно, нос драть. – Данила снисходительно посмотрел на задиристого Лёшку. – Посмотрим ещё кто кого? Для тебя у меня есть парочка сюрпризов.

– Каких это сюрпризов? – обеспокоился Алексей. – Не хочешь ли сказать, что собрался играть со мной ракеткой без струн.

– Успокойся, со струнами, хотя нам бы не помешало бы их уже заменить и натянуть новые.

– Думаешь? Это что, тебе твой «Шлезингер» сказал? – Лёшка немного завидовал, что год назад отец привёз Даниле из Европы новую ракетку престижной марки «Шлезингер»

– «Шлезингер», не «Шлезингер», а струны от времени задубели. Того и гляди лопнут в самый неподходящий момент.

– Ладно, убедил. У меня тоже не новье. Давай на следующей неделе съездим к тому деду. Ну, помнишь? На Масловке. Ветеран ВДВ. Был испытателем парашютов, а сейчас ракетки вьёт всей Москве. Мы были у него год назад.

– А это тот, у которого станок для натяжки собственного изобретения?

– Ну да, тот самый. Одним словом, мастер. Говорят, у него ещё Морозова и Метревели перетягивались.

– Всё, замётано. На следующей неделе. А ты не забыл, что завтра у нас зачётные лабораторные работы по «Товароведению», по разделу «Нефть и её производные»?

– Да нет, помню. Ещё вечер впереди. Подготовлюсь. У тебя-то, наверное, уже всё готово. Вижу, Надька тебя конспектами не забывает снабжать, – понимающе ухмыльнулся Алексей.

– Ну, есть у меня конспект. Так и что с того. Хочешь, после тенниса поедem ко мне. Почитаешь его.

– Да нет спасибо. Прорвёмся. Главное, что у меня есть заветное слово.

– Это что же за слово, если не секрет?

– Какой секрет? Ты сам его прекрасно знаешь. Ну что наш «Бурильщик» больше всего любит? Ну, ну, ну – правильно. Уважаемый профессор Пирогов любит, когда его любимый предмет называют, как? Опять правильно. Его называют «Нефтя и Мазута». Вот скажу ему это, и дело в шляпе.

Друзья расхохотались и вышли из вагона метропоезда, который уже приткнулся к пирону станции «Воробьёвы горы».

В этот вечер Данила был неудержим. Влекомый неведомой силой он метался по корту со скоростью ветра, попевая к каждому мячу, пущенного в его сторону коварным соперником. Бил всё, что взлетало над сеткой: продольный вглубь справа вдоль линии, резанный слева, разнообразные смэши и эйсы в угол квадрата. Всё получалось. Бывают такие дни. 6:3, 6:2, 6:1 – Победа. Полный разгром.

Потерянный, потный Лёха подошёл к сетке, чтобы пожать руку победителю.

– Ну, ты, брат, даёшь. Ты что, вторую скорость включил? Ты уж предупреждай заранее. Если бы я знал, что сегодня ты в такой форме, ни за что не поехал. Охота было позориться.

– Ладно. Не тоскуй, – снисходительно, с трудом скрывая своё удовлетворение, произнёс Данила. – Ты лучше подумай о том, что нам в апреле на турнире пару играть. Нам слаженность нужна. Предлагаю, не затягивая, на следующей неделе поехать на «Динамо». Я и так к Николаичу собирался. Думаю, он нам не откажет, и поставит в игру для тренировки.

– И я так думаю. Сегодня меня дыхалка подвела. А так бы я тебя из четырёх геймов не выпустил. Нужно режим восстановить, и Николаича послушать. Его советы всегда в точку.

– Ну, с твоей физикой давно ясно. Перегрузил ты себя ночной жизнью. Войди в прежний ритм и всё в порядке будет. Давай договоримся. За неделю до турнира ничего и никого

лишнего. Всё по распорядку. Негоже, если мы подставимся. Это не просто турнир, а открытый турнир. Перед своими не след ударить в грязь лицом.

– Да согласен я. Чего ты меня уговариваешь?

– Вот и славно. А теперь пойдём, пожалуй. Всё же надо посмотреть Надькины конспекты перед лабораторной. Муторная тема. Да и тётка меня заждалась. Волнуется.

Друзья зачехлили ракетки, засунули портфели в сумки с теннисной формой и направились к выходу из спортивного комплекса.

Данила торопился домой, так как не хотел своим поздним приходом лишний раз огорчать свою тётю, которая никогда и ни в чем его не ограничивала и лишь деликатно напоминала ему о необходимости регулярно готовиться к занятиям. МГИМО ошибок не прощал и всегда держал наготове воспитательно-дробильную машину в лице насмешливо-лояльных бюро ВЛКСМ, укоризненно-непреклонного деканата и всемогущего ректората. Тётя, Вера Михайловна, знала это и не могла допустить, чтобы её любимый племянник оказался в числе неуспевающих студентов и хронических неудачников. Не имея своих детей, она была рада тому, что её сестра, мать Данилы, подолгу находилась со своим мужем, работавшим заместителем торгпреда в Австрии. Это обстоятельство давало тёте Веры возможность о ком-то беспокоиться и переживать, что так необходимо женщине, перешагнувшей пятидесятилетний рубеж.

Чтобы успокоить свою тётю, Данила всегда вечерами выкладывал стопку учебников и тетрадок на письменный стол рабочего кабинета своего отца, который он на период его отсутствия постепенно превратил в холостяцкую берлогу. В ней всегда можно было найти пару наборных гантель, эспандер, несколько теннисных ракеток и раскатившиеся по полу мячи. Однако главным украшением комнаты, конечно, являлся комбинированный музыкальный центр японской компании «Панасоник» с мощнейшими колонками под двести ватт, на котором Данила, полностью игнорируя встроенный радиоприёмники, занимался прослушиванием исключительно кассет на магнитной плёнке и виниловых пластинок, которых у него скопилось великое множество. Это была его коллекция, его богатство, ради которого он даже решился освободить одну из книжных полок отцовской библиотеки, в которой помимо обязательного полного собрания сочинений Ленина, находилось много полезных, но таких труднопонимаемых книг по мировой экономике, языкознанию и международным договорно-правовым отношениям.

Подходя к своему дому на Кутузовском проспекте, и прежде чем зайти в хорошо знакомый ему колодец внутреннего двора, Данила невольно придержал шаг, оглядывая строгий монолит здания. Это был его родной район, где он вырос, где ему были знакомы все улицы и переулки, проходные и подворотни, то есть все те места, где разворачивались многие удивительные события неутомной жизни московских мальчишек. Эта была его маленькая родина, очерченная невидимой границей по периметру здания, построенного в стиле тяжеловесного сталинского ампира, знаменитого своей монументальностью, который, и по сей день, сохраняется в самых красивых столичных постройках. Дом хранил и оберегал своих обитателей, давал им кров, защиту и уверенность в том, что ничего не может случиться со страной, имеющей такую архитектуру и таких строителей. Получить квартиру в таком доме считалось у москвичей того времени большой удачей и служило свидетельством того, что любой его жилец чем-то отличился перед страной, был замечен и награждён, в том числе ключами от вожаемых апартаментов.

Квартира Данилы, а вернее его родителей, могла быть также отнесена к категории разрядных и состояла из довольно большой светлой комнаты, претендовавшей своими арочными окнами и ломанным многогранным эркером с лоджией на роль гостиной, двух спален и рабочего кабинета. В квартире была и массивная перешедшая по наследству мебель из красного дерева, и цепные бронзовые люстры, и картины, хотя и малоизвестных, но всё же достаточно реномированных русских художников. Важную роль свидетельства культурного уровня квартирантов играл аккуратный рояль-миньон, если и не фирмы «Бехштайн», но тоже весьма

неплохой марки, на котором иногда любила музицировать, особенно в кругу нередких гостей, мать Данилы, Софья Михайловна, окончившая когда-то с отличием московскую музыкальную школу.

Однако самым значимым предметом обстановки являлся несомненно длинный кожаный диван с высокой резной спинкой, столь древний, что казалось он пережил всё лихолетье русской истории турбулентного 20 века. Этот диван был одинаково любим как самим Данилой, так и его отцом, который в данный момент находился далеко за границей и не мог помешать сыну осваивать на нём учебные премудрости. Диван был действительно хорош. Если была охота, то можно было достать и удобно пристроить на его потрескавшемся кожаном сиденье большую пухлую подушку, а затем развернуть клетчатый шотландский плед, зажечь торшер и поставить рядом на тумбочку чашечку горячего кофе. И вот тогда, именно после всех этих подготовительных мероприятий наступал самый вожделенный за день момент, когда без долгих размышлений можно было принять горизонтальное положение и приступить к осознанию всей глубины академических истин.

Именно этот диван, а не равнодушный дубовый стол под протёртым зелёным сукном был свидетелем ночных бдений Данилы накануне очередного экзамена.

– Ну что же ты дружок, – участливо сказала тётя, открывая дверь Даниле. – Сегодня ты припозднился. Как ты? Всё ли у тебя готово к занятиям? Может быть, поешь? Я уже дважды подогревала тебе ужин.

Ну как можно что-либо возразить такой милой и заботливой тётушки?

Наскоро перекусив тётиными котлетами, Данила прихватил с собой бутерброд с венгерской колбасой, стакан молока и отправился в кабинет, переполненный жуткой решимостью одолеть толстую тетрадь с конспектами, которую накануне подсунула ему отзывчивая Надя.

– Ну, теперь всё, теперь ироничный профессор Пирогов вздрогнет, поражённый моими познаниями, – думал Данила, оборудуя своё диванное лежбище, на котором рассчитывал комфортно скоротать часы, необходимые для того, чтобы одолеть Надину писанину.

Перед его глазами замелькали исписанные убористом почерком страницы, проплыли молекулярные ромбовидные построения углеводорода и растянутая химическая формула бензола. Голова тупела, искала место пониже, тело всё больше растягивалось в длину.

– Что за мур? – пытаюсь не заснуть, вполголоса произнёс Данила. С химией он давно не дружил, ещё с шепотной школьной поры. – Если мы будущие коммерсанты, то для того, чтобы торговать нефтью, знать её состав совсем не обязательно.

А вот здесь он был далеко не прав. Будущее нам не дано предвидеть, и жизнь постарается разубедить его в этом.

Тепло родного дома, требующие расслабления, перетруженные спортом мускулы, а главное, утомительные попытки расшифровать Надькину скоропись, вскоре привели к логическому результату: голова Данилы погрузилась в податливую ласковую подушку, раскрытая тетрадь легла точно на переносицу, прикрыв глаза от жёлтого света торшера, и в комнате наступила звенящая творческая тишина. Молодой сон крепок, глубок и защищён от ненужных видений.

Одним словом, когда Данила очнулся и принял сидячее положение, то обнаружил, что в руке он по-прежнему держит надкусанный бутерброд с колбасой, сбоку стоит недопитый стакан молока, а на полу валяется злосчастная тетрадка.

– Нет, так дело не пойдёт, решил он. – За ночь усвоить эту науку не удастся, и поэтому срочно надо применить другой метод. В богатом арсенале приёмов Данилы из числа тех, как прорваться через колючий частокол зачётов и экзаменов этот приём назывался – «нанести по сопернику, то есть преподавателю, удар его же любимым оружием». Для этого нужно было из всей информационной премудрости, которую перегруженный мозг уже отказывался усваивать и воспринимал не иначе, как несуразную галиматью, так вот из всего этого надо было

выбрать и заучить пару удачных и сногсшибательных формулировок, которых можно было бы вкручивать в ответ на любой вопрос в любом экзаменационном билете.

Поэтому для завтрашнего «бурильщика» и «многостаночника» профессора Пирогова он решил заготовить бронебойный пассаж на основе внутримолекулярной реакции Вюрца и вдохновляющую выкладку о благотворном влиянии паров бензола в процессе нефтяного крекинга. При таком подходе был шанс прорваться через утомлённого экзаменационной сессией преподавателя и вытянуть хотя бы «тройк».

Личная статистика учёта побед и поражений, которую вёл для себя Данила свидетельствовала об успокаивающем соотношении 60 на 40. А это означало лишь только одно – метод работал и имел право на существование.

Прикинув, что с подготовкой к предстоящему лабораторному зачёту по теме «Нефть и продукты её переработки» покончено, Данила решил перейти к чему-нибудь более приятному. На сегодняшний вечер таким отвлекающим предметом должны были послужить несколько упражнений из раздела «Коммерческая переписка» на английском языке.

С этим, проблем у него не было. Английский был крепко-накрепко прибит к его почкам, благодаря «экзакуциям», процветавшим в престижной московской школе с лингвистическим уклоном. В испанском он, вообще, чувствовал для себя что-то невероятно близкое, очевидно благодаря нескольким годам, проведённым на Кубе, где его отец раньше работал в советском торгпредстве. Вот только немецкий давался ему с трудом, каждый раз отвергая его потуги хоть как-то продвинуться вперёд, благодаря своим сложно составляемым словам и перевёрнутой грамматике. Так казалось Даниле. Он вообще им бы не занимался, если бы не настойчивость родителей, пребывавших уже третий год в стране вальсов, молодого виноградного вина и всевозрастного горнолыжного спорта.

Для лучшего усвоения знаний требуется соответствующая вдохновляющая обстановка. Для её создания Данила вначале сварил себе крепкий густой кофе, подлил в него молоко из стакана, и уж потом подошёл к своей любимой полке, на которой в алфавитном порядке сгрудились граммофонные, если можно так сказать, пластинки с записями любимых исполнителей, в число которых входили культовые хиты «Take That» и «Uriah Heep», непереманные «Битлы» и «Роллинги», а также джазовые вариации в исполнении таких гигантов как John Scofield и Albert Ayler.

Поставив на проигрыватель пластинку из альбома «Equator» Данила присел за письменный стол и с удовольствием под музыкальный аккомпанемент стал отрабатывать учебное задание по составлению делового письма, навивая в нем обороты на английском языке, типа: «Дорогие господа, мы безмерно рады уведомить вас о том, что поставка нами партии водки «Столичная» задерживается на неопределённый период, а перечисленный вами по контракту № XXXXX авансовый платёж в размере 00000 долларов США не будет вам возвращён никогда».

Завершив свои экскурсии в мир науки где-то в половине первого ночи, Данила решил осторожно пройти по безмолвной квартире и посмотреть, как там его тётя. Однако к его удивлению тётя Вера ещё спать не ложилась, и из её спальни через неплотно прикрытую дверь пробивалась световая полоска от горевшего ночника. Вера Михайловна была историком и постоянно что-то читала. Данила искренне думал, что она перечитала все книги на свете. Это было крайне удобно, так как позволяло ему найти у тётки ответ на любые его пока что несложные вопросы. Вот и сейчас она увлечённо читала что-то мудрёное о жизнедеятельности Иоахима Флорского.

На следующий день всё сложилось значительно лучше, чем предполагалось. Ночные страхи развеялись. Так иногда бывает. Зачёт прошёл на «ура». Выпавших из седла не было. Даже Лёшка Аксаков превзошёл самого себя, буквально сразив грозного «бурильщика» фразами о «реакции дегидратации соответствующих спиртов». Видимо в этот день профессор

Пирогов действительно пребывал в хорошем расположении духа и решил быть снисходительным к этому несовершенному миру, а может быть просто потому, что весенний лучик солнца заглянул в аудиторию и намекнул на скорое лето, а может быть только потому, что в вузовском киоске, торговавшем научной литературой, наконец, появилась в продаже очередная профессорская монография – плод многомесячных усилий.

Одним словом, все были довольны жизнью и друг другом. В коридоре весело гомонила вся академическая группа, только что прорвавшаяся через зачётные тенета.

– Ну, ты, Леха, даёшь, – произнёс Данила, дёргая из-за спины за Лешкин рукав. – Откуда ты нахватался таких познаний?

– Всё спокойно. Ни у одного тебя есть своя метода. У нас тоже есть в заглавнике свои заготовки.

– Ну что делать будем? Может, двинем всей группой в кафе «Крымское». Посидим. Отметим.

– Эй, орлы! – откуда-то издалека донёсся знакомый голос. – Не разбегайтесь. Есть разговор. Из учебного зала напротив возникла размашистая фигура Боба Солнцева, который только что с удивлением прослушал лекцию по философии по теме о принципиальных различиях между диалектикой и материализмом.

– Нам брошен вызов. Делать нечего. Надо отвечать, другого выхода нет.

– Да что за вызов? Кто его бросил? Ты можешь нормально что-нибудь объяснить? – возмущился Данила.

– Помните наш последний ССО в прошлом году в Астраханской области?

– Ну, да, конечно.

– Так вот. Как вам известно рядом с нами по соседству стоял студенческий строительный отряд Московского финансового института. В километрах десяти от нас.

– Да и что с того? У нас с ними всё было нормально. Они к нам в гости ездили, а мы к ним. Без проблем. Один раз даже выручили «фиников», когда местные из-за девчонок избили двух их парней. Тогда наш комиссар на выручку финансистов поднял весь наш отряд. Неплохо мы тогда погоняли местных драчунов солдатскими ремнями с пряжками по их степи. – Ударился в воспоминания Лёшка Аксаков.

– Так-то оно так, – продолжал вещать Борька, отставив в сторону левую ногу и для убедительности размахивая кистью правой руки. – Но ты забыл, как мы прищучили «фиников», когда они напросились на соревнование с нами по поеданию на скорость подсолнечной халвы без воды. Мы их тогда сделали, и потом они ещё скидывались, чтобы купить для нас отступные десять кило этой злосчастной халвы и для этого гоняли за ней на «Урале» в какой-то городишко.

– Верно, верно, – ухмыляясь, подхватил Лешка. – Ты ещё не сказал, как они провалились по количеству съеденных крутых яиц и выставили нам ящик пива.

– Да, здорово тогда получилось, – поддержал разговор Данила. – Боб, ну ты тянучка. Не можешь внятно сказать, что произошло?

– Вот, я и говорю, – продолжал Борька, явно довольный тем, что захватил внимание своих сокурсников. – Пошли мы на неделе по старой памяти с Вовкой Петровским в студенческое общежитие «фиников». Не сами, конечно, по приглашению. Вы же сами помните, какие у них нормальные и отзывчивые девчонки, которые ходили с нами к Ахтубе на лунную дорожку. Хорошо было: луна, круглая как мяч, в полнеба, света так много, как на Тверской, – всё видно, и девчонки, обалдевшие от этой ночной красоты. Здорово было.

– Ну, было, было, – прервал его восторженные сентенции Лешка. – Ты давай ближе к «телу». Сколько можно говорить тебе?

– Одним словом, не успели мы с Вовкой, расположиться в этом общежитии. Девчонки, молодцы, всё заранее подготовили. Дожидались, значит. Как тут заваливается в комнату целая

делегация их парней. Ну, думаем, бить начнут из-за девчонок. Ан нет, пришли по другому поводу. Бросили нам вызов. На этот раз по пиву.

– Это как же?

– Именно так. Кто больше выпьет за раз пива.

– Ничего себе, – удивился Данила, поправляя съехавший на сторону галстук. – Мы их уже два раза уделали. Им что, опять неймётся? Выходит, что, они все эти последние полгода только и делали, что вынашивали коварные планы хоть на чем-то взять реванш?

– Не просто реванш. Готовятся серьёзно. Придут чуть ли не всем курсом. Мало того, оповестили несколько вузов, пригласив их представителей на это шоу. А это значит, что весть об этом событии разлетится по всем московским институтам. Здесь нельзя промахнуться.

– Так, ничего себе, – уже задумчиво промолвил Лешка, откладывая в сторону портфель, который было подхватил, чтобы быстрее выветриться на волю из стен института. – И что, серьёзно готовятся?

– Думаю, что очень серьёзно. Выставляют своего чемпиона. Я его видел. Крупный парняга. Грудь вместе с животом в ширину не меньше метра будет. Что твой Челубей на Куликовом поле. Зовут Илья.

– Да дела, – на распев протянул Данила. – Ну а условия, каковы?

– Условия, в общем, знакомые, – хмыкнул Борька. – Выпить как можно больше поллитровых кружек пива. В туалет разрешается заглянуть только один раз, в любое время в процессе состязания. И вот ещё что. Зачётные кружки начинают учитываться только после первых десяти. Это значит, что Илья первые десять кружек выпивает легко.

– Когда схватка?

– В ближайшую пятницу.

– Ну, а если проиграем?

– Тогда мы должны поить их команду полгода пивом, сколько захотят.

– Ничего себе. А сколько в команде?

– Десять человек. Поэтому я приглашаю Вас с Дёном войти в нашу команду. Ведь мы вместе в Астрахани были.

– Да, но там этого Ильи у «фиников» не было.

– Не было. Нашли где-то. Может и в институт они его протащили из-за его габаритов.

– Ладно. Всё ясно. – Буркнул Данила. – Мы с Лёхой придем, но я задержусь немного. На пятницу назначено заседание бюро ВЛКСМ факультета. А я зам по оргработе. Быть должен. Не отвертись.

– Ну да, ты у нас известный комсомольский босс, – иронически произнёс Лёшка Аксаклов. – А вот теперь ответь мне, Боба. Кого мы выставим? Кто будет биться за честь нашего вуза?

– А здесь и гадать не надо. У нас есть только один достойный кандидат – это Серёга Крутой. Помнишь, как он вилами откидывал тридцатикилограммовые тюки сена из сноповозальной машины.

Алексей Крутой, сын второго секретаря Краснодарского обкома КПСС, был по-своему способным студентом, так как особо просроченных «хвостов» за ним не водилось, несмотря на хронические пропуски лекций. Природа действительно одарила его незаурядной физической силой, которую он уверенно продемонстрировал, когда на втором курсе на Комсомольской площади к нему пристали трое пьяных таксиста. Тогда Серёга тогда сумел от них успешно отбиться и даже свернул одному из них челюсть. Происшествие наделало немало шума, но это яркое событие как-то удалось замять при удивительном молчании деканата и парткома. С тех пор, Сергей Крутой пользовался в студенческой среде «заслуженным» авторитетом.

– Да, Вы же работали с ним в ССО в одной бригаде. Знаете его, – горячился Боб, заметив, как на лица друзей напозла гримаса сомнения. – А кого же ещё? Тебя что ли Лёха? Да у тебя

мочевой пузырь меньше твоего теннисного мяча, а у Серёги он тренированный. Выдержит. Кстати, если хотите, приходите сегодня на тренировку.

– А где она состоится? В «Метелице», что ли?

– Да, какая «Метла»? Ну, ты чудак Леха. Мы с Вовкой и Серёгой едем на Юго-Запад, в пивбар «Ракушку». Там условия то, что надо. Ну как?

– Я нет, – начал отнекиваться Данила. – Не могу сегодня.

– И я нет, – поддержал его Лёшка. – Дела брат.

– Ну, дела, так дела, но в пятницу чтобы были как штык. Дело чести.

Друзья пожали друг другу руки и разошлись: Борька в «Ромашку» по плану, Лёшка к своей девушке, которую друзьям ещё не показывал, а Данила к себе домой, так как решил поупражняться на шестиструнной гитаре.

Хотя студенты престижного вуза и ходили в строгих цивильных костюмах и галстуках, и грызли гранит теории марксизма ленинизма и истории политических учений, но были абсолютно нормальными молодыми людьми и типичными представителями славной когорты московского студенчества, которым ничего человеческого не чуждо.

Их ожидала судьба стать дипломатическими представителями своей страны, занять высокие должности в кабинете министров, возглавить или войти в советы директоров нарождающихся частно-государственных корпораций. Они составляли часть креативной элиты страны, и не было среди них тех, кто отказался служить ей.

Наступившая пятница представлялась знаковым днём. В учебном корпусе института царил лёгкое возбуждения. Представители сильной половины четвёртого курса то сбивались в небольшие кучки и о чем-то оживлённо беседовали, то вновь растекались по лекционным залам и аудиториям, чтобы обдумать сложившееся положение. На одной из перемен Борис Солнцев разыскал Данилу и с деловым видом спросил его: «Ну как вечером будешь?».

– Не сомневайся. Не подведу. Знаю, многие собираются подойти.

– Это хорошо. Нужна внушительная группа поддержки. Сам понимаешь, какой уровень. Не удивлюсь, если «финики» притащат половину своего факультета.

– Да шума будет много. А как наш Серёга? Готов?

– Будь спокоен. Тренировался каждый день под нашим руководством. Всё продумано. «Фиников» ждёт сюрприз.

– Это какой же? Сказать можешь? – и Данила участливо повёл Бориса в дальний угол коридора.

– Тебе скажу. Только тебе. Сам понимаешь – это наше “know-how”. Одним словом, Серёга сухой как Астраханская вобла.

– Это как понимать?

– Не пьёт ни грамма жидкости уже 24 часа. А мы его контролируем. Он сейчас не то, что пиво, всю Москву-реку выпить готов.

– Здорово. Молодцы. Тогда прорвёмся. А может и финансисты своего Илью также готовят? Они математики. Комбинации считать умеют.

– Может быть. Не спорю. Но у нас есть ещё одна тактическая заготовка.

– А именно?

– Здесь главное распределить усилия. Ты помнишь, по условиям в туалет можно пойти только один раз. Поэтому фокус в том, чтобы вначале выпить как можно больше кружек. Терпеть, но пить. После туалета ты уже столько не выпьешь. Организм и так будет перенасыщен пивом. На это и делаем ставку. Но об этом молчок.

– Замётано. В каком месте сбор? В «Ракушке»?

– Да нет, что ты. Здесь рядом. В «Пльзене»

Под таким условным названием фигурировал пивной бар, расположенный на территории Парка культуры имени А. М. Горького, который существовал уже пару десятилетий и регу-

лярно менял свои вывески. Имя «Пльзень», возможно закрепилось за ним и стало историческим лишь потому, что когда-то ещё при его открытии в баре стали продавать вкуснейшее и настоящее чешское пиво одноименной марки. Однако эта идиллия продолжалась недолго и постепенно и незаметно сошла на «нет». На место качественного солодового продукту чешских пивоваров пришло советское изобретение, перенасыщенное содой и углекислым газом, под броским названием «Жигулёвское», несомненным достоинством которого было то обстоятельство, что средне-нормальный человек не был способен выпить больше полутора кружков, чтобы не сбегать на природу за угол или, переминаясь с ноги на ногу, выстоять очередь в местный туалет.

Одним словом, в полпятого пополудни двери лекционных залов и аудиторий с треском распахнулись, исторгнув из себя галдящую юношескую ораву, которая с гомоном покатила вниз по лестнице к выходу, пробегая мимо развешанных по стенам своих великих предшественником К. В. Нессельроде, А. М. Горчакова, Г. В. Чичерина, бросавших на молодое племя будущих дипломатов и внешних торговцев укоризненные и насмешливые взгляды, как бы говорившие, и мы были лицеистами.

К началу представления Данила попал как нельзя вовремя. Участливая барменша, известная всей округе как тётя Валя, чей авторитет простирался далеко за пределы парка, уже заканчивала разливать предназначенное к состязанию пиво по ребристым кружкам и расставляла их ровными рядами на барной стойке, покрытой коричневым пластиком с рваными проплешинами.

Огромный пивной зал кафе был наполнен гулом голосов от сгрудившихся представителей многих московских вузов, пришедших целыми делегациями, чтобы поглазеть на диковинное соревнование. Здесь были многие: сосредоточенные старшекурсники из Института стали и сплавов, шаловливые «козеры» из номерных медицинских, ироничные и завистливые инязовцы. Прискакали даже из-за реки неутомимые «верблюды-мехматяне». Однако наиболее внушительная орда явилась из финансового института, ведомая снисходительными, познавшими жизнь «мамонтами», окружившими плотным непробиваемым кольцом своего выдвиженца Илью.

Когда Данила прорвался в первые ряды, главные участники действия Серёгу и Илья уже заканчивали подготовительные разминочные упражнения. Серёга прекратил размахивать руками и подпрыгивать на месте, а гигант Илья делал глубокие вдохи и выдохи, словно рассчитывая освободить место для пива и в грудной клетке тоже. Тут же выбранный общим голосованием нейтральный судья, которым оказался очкастый пятикурсник из «сталеваров», ещё раз напомнил правила состязания и предложил каждой из сторон дополнительно назначить по два секунданта, которые также могли посоревноваться друг с другом на незачётных началах.

Понятное дело, что Боб Солнцев сразу выдвинулся вперёд, а вслед ему стал продираться и шуленький Вован Петровский.

– А ты куда? – придержал его за плечо Слава Колаш, ещё один друг и сокурсник Данилы по испанской языковой подгруппе. – Всё дело испортишь. Не видишь, как дело оборачивается? Здесь уж не до шуток.

– Оставь его. Пусть попробует, – урезонил его Данила. – У Вована есть скрытые резервы. Забыл, что ли, как он в Астрахани одолел флакон «тройного» и запил его банкой томатного сока.

– Запил то он запил, да потом на работу не вышел. А мы за него мешки с цементом таскали.

– Ну что ж бывает. А с тобой нет? Думаю, не подведёт. Тем более они с Бобом слаженная пара.

Между тем очкарик уже дал отмашку, и игроки, не мешкая, приступили к истреблению запасов тёти Вали.

Илья, подбадриваемый одобрительными криками финансистов, уже предвкушавших скорую и неизбежную победу, сразу взял высокий темп и вырвался вперёд как минимум на две кружки. Сергей, под строгим руководством своего наставника Боба, начал осмотрительно и с расстановкой. Вначале внутрь была залита одна кружка пива, медленно и осторожно, чтобы дать организму время адаптироваться к новому напитку. Затем Серёга встал, ещё раз развёл и скрестил руки, и принялся догонять ушедшего в отрыв Илью.

Дело продвигалось быстро. Однако десятая кружка стала переломным моментом. Превратившийся в пузырь Илья решил воспользоваться положенной возможностью и покатился опустошаться в направлении туалетного отсека бара. Серёга держался хорошо, с каждой кружкой зарабатывая всё больший авторитет среди разношёрстных «нейтралов» из других вузов. Прошла одиннадцатая кружка, затем успешно проследовала двенадцатая, тринадцатая. Когда Илья вернулся стойке, Серёга заталкивал в себя, правда не без труда, уже четырнадцатую по счёту ёмкость. Одним словом, окончательно ломаться Илья стал после семнадцатой, в то время, как Серёга довольно спокойно перевалил через психологически важный двадцатикружечный рубеж.

Итог схватки оказался следующим. Илья не выдержал первым и вскоре, выпучив глаза, и как показалось многим, еле удерживаясь, чтобы не зафонتانить, понёсся, перекрещивая ноги и придерживая руками раздувшийся живот, в сторону хорошо знакомого ему спасительного отсека. Серёга же, ещё немного поважничал, демонстрируя, что ему всё нипочём, а затем, не торопясь, вразвалку пошёл догонять несчастного Илью.

Победа была решительной и окончательной. Разгром полным. Соперник теперь мог только мечтать о несбыточном реванше. Разрыв составил принципиальные четыре кружки. Боб, Вован, Леха, Данила и Славка ликовали. Теперь финансисты долго будут помнить своё позорное поражение. По крайней мере, до следующего летнего строительного сезона точно.

Все, даже удручённые финансисты, разделяли торжество «дипломатов», и уже все вместе дружно отдали должную дань пенистому светло-жёлтому напитку. Тётя Валя превратилась в многостаночницу и уже не закрывала медные краны, без усталости выкачивая содержимое из скрытых пивных бочек. Студенты подходили, пожимали руки и хлопали по плечам победителей. Серёга был возведён на пьедестал равный олимпийским героям и долго ещё повсеместно пользовался популярностью на студенческих вечерах. Честь института была защищена. «Дипломатам» простили даже их мнимое зазнайство и исключительность.

Мини «Октябрь фест» удался на славу. Больше всех была довольна тётя Валя, перевыполнившая месячный план по реализации пива, и её бухгалтер, радостно пересчитывавшая в своей служебной коморке поступившую выручку.

– Алло, Дэн, очнись, – Лёшка Аксаков чокнул своей кружкой о кружку Данилы. – Всё хорошо. Ты, о чём задумался?

– Да так, ни о чём. А ты что, куда-то собрался?

– Сегодня нет. А вот завтра суббота. Мы здесь небольшой группой собрались в Дом кино. Пойдём?

– А что там?

– Новый фильм. Премьера. Говорят, нормальная фантастика. Наши девочки тоже пойдут.

– А кто?

– Наши. Ну, Оля, Алла из французской группы, ещё две Лены из испанской, Таня из немецкой. Ребята также будут. Это Генка Башилов всё устроил. У него мать – начальник управления в министерстве культуры.

– Да нет. Спасибо. Не получится. У меня завтра репетиция в ДК «Горбунова».

– Так, ты что продолжаешь стучать на барабане? Я думал, ты бросил. Скажи, как хоть ваш ансамбль зовётся?

– «Миракэл» – «Miracle's». Слышал? Нет? Ну, естественно. Он у нас существует не на постоянной основе. Мы одну школу заканчивали и вместе начинали. Играли у себя и по другим школам. Теперь тоже, но редко, больше на вечерах в институтах, где ребята из ансамбля учатся.

– А в нашем вузе, почему нет? Скажи, хоть какой у Вас репертуар?

– Есть кое-что из «Beatles», «Smokie», «Queens».

– Вот и замечательно. Солидно. А свои наработки есть?

– Как сказать? Есть кое-что в стиле джазовых импровизаций. У нас ведь в составе и саксофонист имеется.

– Вот как даже? – удивился Алексей. – Ну, а ты-то что, в фронтлайнеры не выдвинулся? Всё сзади торчишь.

Алексей невольно затронул болевую точку Данилы. Вот уже пару лет он терзал дома шестиструнную гитару в надежде, что сможет доказать ребятам из ансамбля, что ему можно доверить исполнение на соло-гитаре, хотя свой солист и неплохой в ансамбле имелся. Кто в молодости не мучился жгучим желанием лидерства? Но Лёшке он ответил по-другому:

– А что, ударник – это вполне достойно. Вот, Ринго Стар, например.

– Ну, то Ринго Стар. Да ты не обижайся. Я так сказал. А сыграть в институте вы смогли бы. У вас вокал есть?

– Да, поют двое, а мы подпеваем. В общем, фон создаём, так что голоса есть. А в институте? Ну, куда нам соваться. Здесь же «Миражи» в новом издании.

– Да будет тебе Дэн. Мы ещё посмотрим.

– Пойду я, Лёша. Хочу один пройтись по парку.

Что-то не всё ладно было в жизни Данилы Бекетова. Чего-то не хватало. Душа томилась и ждала чего-то.

* * *

Глава II Рассвет

Часть I Предчувствие свободы

Безоглядным аллюром понеслись дни, собранные из сменяющих друг друга лекций, семинаров, коллоквиумов и языковых занятий. Четвёртый курс неумолимо приближался к очередному дуэльному барьеру. Данила не опасался грядущей весенне-летней сессии. Во-первых, студенты-четверокурсники – это тебе не вечно сомневающиеся в себе неврастеники из первых и вторых курсов. Студент четвёртого – это уже испытанный в полевых сражениях закалённый боец, знающий себе цену и успевший стать тонким проницательным психологом, успешно применяющим на практике приёмы гипнотического воздействия на преподавателей.

Во-вторых, такая сессия сдавалась значительно легче, чем придавленная снеговыми сугробами зимняя. Весна всегда могла расшевелить любого, даже погрязшего в книжечтениях интроверта-профессора. Все становились отзывчивее. Хотелось говорить и слышать другого. Снисходительность и всепрощение становились хорошим тоном. А потом, кому хотелось связываться со студентом, добредшим до четвёртого курса и проламывающим последнюю преграду в спасительную гавань пятого?

Выступление Алексея и Данилы в парном разряде на открытом институтском теннисном турнире в апреле оказалось неожиданно удачным. Они заняли второе место, уступив лишь победителям, чемпионам Москвы из МГУ. Довольные друзья шутили:

– Ну, ничего, мы этим аспирантикам в следующем году промоем мозги. Дело-то за малым – надо стабилизировать первую подачу. Без неё никуда. А в игре на задней линии мы им не уступаем, да и бегаем к сетке лучше. Мы ещё станем грандами.

О том, что сессия на носу знала также и добрая тётя Вера, справедливо решившая, что еженедельные ненавязчивые напоминания о необходимости навалиться на учёбу бедовой голове её племянника не помешают.

– И, кроме того, – увещевала она Данилу. – Это нужно, прежде всего, тебе. Эту сессию нужно сдать не просто хорошо, а как-то ярко, чтобы в деканате знали не только о твоих спортивных достижениях, но и обратили внимание на твои интеллектуальные способности. Не забудь, следующий год выпускной, и ты просто обязан получить хорошее распределение. Я тебе должна сказать, что сегодня я разговаривала по телефону с твоей мамой. Так вот, она приезжает в мае из Вены, чтобы быть и заботиться о тебе, когда ты будешь сдавать экзамены.

Сестра тёти Веры и мать Данилы, Софья Михайловна, была по-своему примечательной женщиной. В свои пятьдесят она выглядела также хорошо, как и пятнадцать лет назад, сохранив стройную фигуру с красивой высокой талией, и предпочитала сложные причёски в дорийском стиле, которые умела укладывать сама. Видно на её отношение к самой себе наложило свой отпечаток её увлечение изобразительным искусством, в котором она знала толк, так как защитила кандидатскую на мудрёную тему «Зарождение и развитие маньеризма в искусстве Италии XVI в.». Её увлечение своим делом было столь велико, что она искренне верила в такую сомнительную тезу, что только изобразительное искусство, а скажем, не литература, может раскрыть сложный мир людских чувств и страстей. Она не сомневалась в том, что смысл таинственной улыбки «Джоконды» отражает спокойствие и внутреннее состояние женщины, когда она глубоко уверена в том, что она любима и почитаема.

Командировке мужа в Австрию она была рада вдвойне. Здесь она нашла себя, погрузившись в мир исторических портретов и гениальных бытовых зарисовок. Бесчисленные венские музеи, выставки и экспозиции давали возможность 24 часа кряду не покидать пределы их гранитных храмов. Предыдущие командировки мужа в Камерун и на Кубу были по-своему занимательны, но не могли удовлетворить её эстетических потребностей. Три года пребывания в альпийском «рае» позволили Софье Михайловне стать узнаваемой и войти в избранный и очень замкнутый круг частных галеристов. Будущее рисовалось ей в розовых тонах. Впереди ожидали приглашения в Милан, Венецию и Париж, признанные мировые центры искусства.

Её муж, Николай Фёдорович Бекетов, поддерживал увлечение жены и справедливо считал, что ещё молодая женщина имеет право на личную свободу и должна профессионально развиваться, а это в свою очередь, как он считал, должно самым благотворным образом сказаться на семейном устройстве. Чтобы его не нарушать, он не возражал против стремления жены кочевать между Веной и Москвой с тем, чтобы поддерживать баланс отношений с сыном, и не забывать о полезных друзьях из центрального аппарата своего министерства.

Работа в торговом представительстве СССР в Австрии – это совсем другое дело нежели, чем в Африке или одной из стран социализма. В те закатные советские времена такая страна как Австрия воспринималась работниками министерства внешней торговли как одни из ворот, через которые открывался выход на большой капиталистический мировой рынок. Получить назначение на руководящий пост в торгпредстве в такой стране было непросто. Его надо было ещё заслужить. Всё складывалось хорошо у главы семейства Бекетов. Тревожило только одно: из Москвы стало всё больше поступать нелепых, зачастую противоречивых указаний, которые только расшатывали слаженный за многие десятилетия механизм торгового представительства.

Местные партнёры из числа руководителей крупных компаний и фирм постепенно переставали понимать новые условия сотрудничества и всё больше обращались в торгпредство за разъяснениями. Медленно и неотвратимо наступало время перемен, в котором было столько много обманчивых ожиданий.

Родители Данилы, как и любые другие родители, желали своему единственному отпрыску только счастья и удачи. Софья Михайловна стала заговаривать с сыном о наличии у него постоянной девушки, которая непременно должна быть из хорошей семьи и учиться в МГИМО, или, в крайнем случае, в Инязе или МГУ. Иногда, но всё чаще и настойчивее она начала заводить с Данилой проникновенные разговоры на эту тему. Предусмотрительный Николай Фёдорович так же не сидел на месте и уже начинал прикидывать планы трудоустройства сына после окончания института. Лучшим вариантом ему представлялась возможность направить Данилу на работу не во внешнеторговое объединение, каковых в системе внешней торговли было великое множество, а в одно из торгово-политических управлений МВТ СССР, что открывало в дальнейшем широкий выбор престижных точек за границей. Это был далеко не простой вопрос и требовал продуманной предварительной подготовки, умения договариваться на нужных министерских уровнях, обеспечивать лояльность кадров и парткома, и наличия хорошей характеристики из МГИМО. В общем, родителям было над чем поработать.

Данила по счастью был лишён забот взрослого поколения и видел этот мир в значительно более радужных красках.

Короткое пребывание Софьи Михайловны в Москве подходило к своему завершению одновременно с окончанием экзаменационной сессии у Данилы. Но просто так уехать она не могла. По её разумению сын нуждался в наставнических указаниях наподобие того, как лучше и с кем провести лето, а главное он должен понять, что устройство его личной жизни – это далеко не праздный вопрос. Его надо было решить правильно и исключить любую ошибку. Разве можно полагаться на вертеровские мечтания молодого человека? Что он знает о таком явлении как любовь и близость с девушкой? В голове сына только теннис и вот ещё музыка. Удивительно, как он ещё умудряется неплохо учиться. А его друзья? Конечно, Алек-

сей, Слава, Борис – все хорошие ребята, но не больше. Все они слишком юны, чтобы понимать жизнь. Нет, этот вопрос надо брать в надёжные руки, а именно в свои.

К решающему разговору Софья Михайловна подготовила все полагающиеся к случаю не опровергаемые аргументы. Она решила, что беседу надо начать мягко, не навязчиво, так, чтобы дать сыну почувствовать, что ему никто и ничего не навязывает и может продемонстрировать всю свою независимость и самостоятельность, которые так характерны для бунтарского молодого сознания. Надо постепенно, как умеет делать любая взрослая женщина, подвести Данилу к принятию решения, которое будет в конечном итоге её. Конечно, это сложно. Это искусство, которая нарабатывается временем, и которое Софья Михайловна за годы своей жизни сумела с успехом отточить на нескольких близких ей мужчинах и, прежде всего, на своём муже.

Сегодня удобный момент, подумала она и решила дожидаться возвращения Данилы, сдававшего в этот день свой предпоследний экзамен. Её сестра, Вера Михайловна, была также дома и старалась держаться как всегда скромно, если не сказать незаметно. Порой она терялась, пасуя перед энергичной и пробивной силой своей сестры, которая почти ни в чем не сомневалась и умела добиваться всего чего хотела.

Приход Данилы вызвал радостное возбуждение. Тётя Вера, не мешкая отправилась на кухню, будучи уверенной, что молодой здоровый организм надо подпитывать калориями постоянно и в любое время суток, а Софья Михайловна принялась нервно прохаживаться у дверей кабинета, за которыми скрылся её сын. Затем решившись, она поправила блузку в синих васильках, пригладила руками причёску и, постучав в дверь, спросила:

– Можно?

– Заходи мам, – откликнулся Данила, занятый тем, что засовывал в спортивную сумку теннисное снаряжение.

– Спасибо, я есть не хочу, – стал, не глядя на мать, отнекиваться он, думая, что та по обыкновению будет настаивать на ужине, как на необходимости восполнить энергозатраты, понесённые её любимым чадом на экзамене по международному праву.

– Я не за этим, – немного волнуясь, произнесла Софья Михайловна. – Прошу тебя, удели мне хотя бы пятнадцать минут.

– Мам, а можно потом, завтра, например, – попытался увильнуть от разговора Данила, занятый поисками коробки с новыми мячами. – Я тороплюсь, мне ещё до «Динамо» ехать.

– Данила, ты, по меньшей мере, не вежлив со мной. Я этого не заслужила, – с надрывом в голосе произнесла Софья Михайловна, с сожалением думая о том, что сын стал ещё больше самостоятельным и неуправляемым. Видимо, это логичная расплата за длительное пребывание за границей и утрату родительского контроля. – Ты же знаешь, что я послезавтра улетаю к отцу.

Чтобы успокоить мать, Данила прервал свои сборы, подошёл к матери и, обняв за плечи, усадил её в кресло.

– Конечно, мам, я весь во внимании. Я тебе звонил из института. У меня «четвёрка» по «межправу». Ты знаешь это неплохо. Ты можешь себе представить, что надо было подготовить 103 вопроса. В группе завалов не было, но «трояков» нахватала чуть ли не добрая половина. Вот и Лёшка ускакал тоже на тройке.

– Ну, этим я не удивлена, – уже ровным голосом промолвила Софья Михайловна. – Ты мне вот что скажи, какие у тебя планы на лето? Приехать к родителям в Вену ты отказался, хотя отпуск у отца только в сентябре. Ко многим родителям из Москвы приедут дети, такие же, как ты студенты. Тебе бы не было там скучно. Там и твои любимые корты есть: и у торгпредства, и у представительства при международных организациях. В конце концов, если ты захочешь, отец обеспечит тебе пропуск в спортивный комплекс центра ООН. Играй, отдыхай, знайся, получай необходимую тебе языковую практику. Ну что ты мотаешь головой? Разве я так уж не права?

– Права мамочка, права, – Данила участливо погладил мать по руке. – У нас с ребятами уже есть свои планы.

– И какие же это планы, позволь спросить? – Софья Михайловна даже выпрямилась в своём кресле, всем своим видом выказывая сомнение в наличии у сына разумных идей на лето.

– Хорошие, нормальные планы. Например, мы думаем пойти в поход по Валдаю. Ты учти, это для нас последнее лето, когда мы все вместе. В следующем году остаётся только практика, «госы», диплом, и мы разойдёмся. А до сентября осталось только два месяца, там и Вы с папой приедете. Ты понимаешь меня?

– Хорошо, пусть будет так. Но, если ты готов прислушаться к моему совету, то я тебе и твоим друзьям порекомендовала бы не с рюкзаками по лесу бродить, а приобрести экскурсионный тур. Комфортно, культурно, автобус, объяснения экскурсовода, и ночевать не в чистом поле на земле, а в гостиницах.

– Мам, ещё ничего не решено. Давай мы сами разберёмся. А твой совет я запомнил.

– Ладно, ладно, пусть это будет вашим решением. Учти, что деньги для тебя на лето я оставила у тёти Веры, – неожиданно легко согласилась Софья Михайловна, посчитав, что она очень удачно начала этот разговор, начав со вторичного вопроса, чтобы перейти к главному, который она обдумывала уже несколько месяцев. Надо было что-то решать с одиночеством сына, и, вооружившись хитрым житейским приёмом: уступи вначале в малом, чтобы потом добиться главного, спросила:

– Данила, скажи мне, но только откровенно. У тебя девушка есть?

– Ну, есть, – несколько помялся Данила. – А что? Почему тебя интересует этот вопрос?

– Я мать, – пафосно высоким голосом произнесла Софья Михайловна. – Я, да и отец, мы беспокоимся о твоём будущем. Ты становишься взрослым и выходишь в большую жизнь.

– Не волнуйся мам. Конечно, есть. Я сам решу этот вопрос, – ответил Данила, бесхитростно полагая, что такими простыми обещаниями сумеет отвести свою мать от навязчивой идеи.

– Нет, ты не понял меня. Я не имею в виду девочек, с которыми ты знакомишься на ваших молодёжных вечеринках и потом раз-другой провожаешь домой. Я спрашиваю о серьёзных, постоянных отношениях. Нужно, чтобы она была хорошо образована, воспитана, из хорошей семьи. Которая нравилась бы тебе, наконец.

– Что именно, в такой последовательности? Нравилась на последнем месте?

– Дорогой мой, ты уже не мальчик. Нравиться, не нравится это вопрос для третьего класса. Я имела в виду другое. Ты должен знать, за что, какие качества ты можешь полюбить девушку. Неужели ты думаешь, что твоя семейная жизнь долго продержится, если ты не будешь уверен, что твоя жена отвечает твоему уровню образования, твоим интеллектуальным запросам. Ты хоть понимаешь, о чём я говорю?

– Мама, я стараюсь понять, – Данила нетерпеливо поднял и опять опустил на диван свою сумку. – Может, всё же отложим этот разговор? Я, правда, опаздываю.

– Хорошо, пусть будет, по-твоему. Ну, ты скажи мне, по крайней мере, тебе кто-то нравится из твоего курса? Там у вас учатся вполне приличные девушки. Когда ваша группа собиралась у нас дома, то некоторые мне показались весьма привлекательными.

– Да нравятся: одна из испанской группы, две из французской.

– О господи. Ты, что ловелас у меня? Жуир? Выбери хотя бы одну.

– Да не могу я.

– Непонятно. Это как, не могу?

– У них уже есть парни.

– И что?

– А то, что это мои друзья, а друзей я не подставляю и не обманываю.

Софья Михайловна с сожалением и улыбкой осмотрела своего сына, так как будто видела его в первый раз.

– Скажите, пожалуйста, какой рыцарь без страха и упрёка нашёлся. Поди, начитался романов Вальтера Скотта. Ты разве не понимаешь, что отношения мужчины и женщины – это совсем другие отношения нежели, чем между мужчинами. Женщину нужно добиваться, ухаживать за ней, преодолевать преграды. А ты просто выдумал для себя какое-то «благородство». Ни одна девушка тебя не поймёт, если ты будешь себя так вести.

– Подожди мама. Но когда ты выходила замуж за отца, у тебя было всё хорошо и не было проблем.

– Я выбрала твоего отца, потому что он мне сразу понравился, когда команда МГИМО приехала к нам в педагогический на КВН. А ведь за мной уже целый год ухаживал один мальчик с моего курса. Твой отец был умным, весёлым, интересным человеком. И, кстати, остался таковым и до сего дня. И решительным, между прочим. Я это оценила, потому, что поняла, что нужна ему, и у меня с ним есть будущее. И кстати, в следующем году ты заканчиваешь институт, и может быть попадёшь в министерство, если тебе повезёт, и отец постарается. Ты знаешь, что у нас на работу за границу без жены не пускают. Давай посмотри на этот вопрос и с этой точки зрения. Вот увидишь, как в следующем году у вас начнут формироваться пары, потому что детям надо думать о своём будущем. Так всегда происходит на пятых курсах. Поэтому и на родителях лежит обязанность, хотя бы в чём-то подсказать им в нужный момент. Мы с отцом тоже не можем оставаться безучастными к судьбе своего единственного сына. Надеюсь, что ты понимаешь, о чём я говорю?

– А я, мама, считаю, что в жизни не бывает одного единственного шаблона, – насупился Данила, чувствуя, что в нём растёт внутреннее раздражение из-за настойчивого стремления матери навязать ему своё мнение.

– Эх, дурачок мой, – София Михайловна поднялась с кресла и, подойдя к сыну, ласково потрепала его за волосы. – Ты у меня ещё несмышлёныш. Ничего, всё образуется.

Заметив изменения в настроении сына, она решила не перегибать палку и остановиться на достигнутых рубежах. Главное было сделано. Разговор состоялся, и к нему можно будет вернуться в любой момент. Впереди был целый год, и Софья Михайловна была, как всегда уверена в своих силах. Она добьётся своего. Тем более, что у неё на примете была хорошая девочка, дочка наших сотрудников из ООН.

А Данила, попрощавшись с матерью, подумал: «Наверное, все родители одинаковы. Говорят, советуют, настаивают. Можно подумать, что все они счастливы и живут без проблем?». Больше он ни о чем подобном думать не хотел. Впереди его ждал теннис. И Славка с Алексеем, наверное, уже разыгрывали первую партию под наблюдением бдительного тренера Николаича.

Не много в году бывает таких замечательных праздников как успешно сданный последний экзамен летней сессии, когда, наконец, поставлена последняя точка. За плечами остались бесконечные лекции, семинары и занятия по самым заумным темам, которые только способен изобрести изощрённый преподавательский ум. Сброшены тяжелее гири из зачётов и экзаменов, обрублены хвосты, ушли в небытие пересдачи. Впереди ждала желанная выстраданная свобода и предчувствие невероятных летних событий. Волновались первые курсы, занятые сборами в свои первые студенческо-строительные отряды, но только не мастеровитые недавние четверокурсники, прошедшие по два, а то и по три ССО, и умевшие делать всё, что входило в набор профессиональных навыков строительных рабочих низшей квалификации.

Скопившаяся в коридоре академическая группа шумно приветствовала выход из экзаменационной аудитории Женьки Прокопенко, последнего из своего состава, который сумел таки вырвать из цепких рук вконец измотанной комиссии свою заветную тройку.

25 июня – чудесный день, событие столь замечательное, что его непременно надо было отметить самым подобающим образом.

– Идём все в «Метелицу» – громогласно возвещал Борька Солнцев, признанный неформальный лидер и организатор всех побед и поражений четвёртого курса, неперенный участник всех событий, которые в обязательном порядке вошли бы в повестку дня любого заседания бюро ВЛКСМ курса, а то и факультета, если бы сведения о них просочились через стойкую стену молчания и круговой поруки.

Железный закон «омерты» цвёл и торжествовал в сплочённой среде нерушимого студенческого братства.

– Лучше в кафе на двенадцатом этаже гостиницы «Москва», – прозвенел чей-то неуверенный девичий голос.

– Нет, нет, предлагаю лучше в гостиницу «Салют». У них по четвергам варьете. – Старался перекрыть общую разноголосицу Олег Кретов, ещё один широко известный в узких кругах курсовой трубадур.

– Послушайте, послушайте. У меня есть предложение, – пробивался чей-то неуверенный голос, который оказалось, принадлежал воздушному созданию с белёсой налобной чёлкой в лице Смагиной Светланы, несменяемой с первого курса старосте группы. – Приглашаю к нам завтра дачу. Кто хочет, просьба подойти и записаться.

Аккуратная, вся в расчётах Светлана, умевшая щелкать задачки по математике как орешки, открыла тетрадку и деловито начала записывать в неё всех желающих. Выдвинутое предложение внесло раскол в монолитные ряды новоиспечённых пятикурсников. Кто-то требовал праздника души непременно сейчас и сегодня, кто-то однозначно приветствовал предложение Светки, а некоторые, очевидно, самые предусмотрительные решили, что удовольствие можно растянуть на два дня кряду.

Отец Светланы занимал какой-то пост в аппарате совета министров, достаточно ответственный, чтобы иметь право пользоваться государственной дачей с обслугой для себя и членов своей семьи. Поэтому возможность уединиться всем вместе на лоне природы где-то вдали, пусть даже только в 20 километрах от Москвы, представлялась многим делом весьма привлекательным.

Почему-то Данила не разделял восторгов группы, и только следил за происходящим. Даже свою синюю зачётку он продолжал держать в руках и лишь иногда бесцельно постукивал ею по крышке выставленного в коридор стола. Ни то, что приподнятого, вообще никакого настроения у него не было, то ли от того, что планы на лето были ещё не свёрстаны, то ли слова матери, сказанные четыре дня назад, оказали на него столь удручающее воздействие. Не понятно, и разбираться в этом своём состоянии тоже не хотелось.

– Ты чего такой кислый? – поинтересовался Лёшка, который уже успел принять самое активное участие в обсуждении буквально всех вопросов. – Светка дело говорит. Я «за», а ты как?

– В принципе, не против.

– Молоток. Действительно, довольно кукситься. Если решил, не забудь у неё отметить, а я пошёл. Сегодня у меня встреча. Пока. До завтра.

Огорчения молодости острые и очень болезненные, но мимолётные. Поэтому на следующий день приободрившийся Данила в 14.00 стоял у входа в метро «Сокол», где было назначено место встречи для всех пожелавших в этот день попасть на дачу. Вполне комфортабельный по меркам того времени микроавтобус «Юность» из гаража Совета министров ещё ни разу за всё время своей эксплуатации не возил такую беззаботную и горластую компанию. Дача отца Светлана располагалась в посёлке с симпатичным названием Снегири и представляла собой вытянутое в длину приземистое деревянно-кирпичное здание на участке, заросшем вековыми соснами и берёзами, и относилась к категории максимальных привилегий, доступных для представителей номенклатуры советской власти уровня выше среднего.

Высыпавшая из микроавтобуса смеющаяся разноцветная ватага одним своим появлением сразу оживила патриархальную обстановку старой подмосковной дачи. Принаряженные в лёгкие, палевых тонов платья, девушки оранжевыми орхидеями раскрасили неброскую природу среднерусской полосы, а парни, одетые преимущественно в синие джинсы и светлые рубашки, быстро сориентировались в окружающей обстановке и, заметив большую крытую веранду, не мешкая прошли к ней.

На веранде Полина Ивановна, скромная попечительница этого укромного убежища от городской суеты, заканчивала расставлять на столе подносы с коктейлями и бесхитростными бутербродами с копчённой колбасой и российским сыром. Предусмотрительные родители Светланы отсутствовали, так как решили не мешать молодёжи, но попросили Полину Ивановну ненавязчиво присматривать за неугомонными отпрысками хороших семейств и приготовить для них неумотительные коктейли на основе советского шампанского и апельсинового сока.

Молодёжная тусовка обладает удивительным самоорганизующимся талантом и не нуждается в принудительных советах тамады или официального организатора, без которого взрослое поколение, замордованное житейскими заботами, уже не способно поднять себе настроение и проникнуться доброжелательством друг к другу.

И вот уже Борька Солнцев орал:

– За могучий четвёртый МЭО!

– За пятый, Боб, за пятый. Мы сделали это, но с другого конца, – хохоча, парировал эти слова Вовка Петровский.

Слава Колаш подошёл к задвинутому в угол музыкальному центру, развернул его в сторону стола и врубил на полную мощность. Из динамиков вырвался, заряженный на 100 децибел голос Майкла Джексона, спугнувший стайку трясогузок с соседнего дерева. Бравурная песня «Billy Jean» всколыхнула молодую кровь, вызывая потребность к безотчётным движениям. Молодёжь сорвалась со своих мест и выбежала на площадку, выложенную фигурными керамическими плитами с проросшей между стыками травой. Образовала танцующий круг, в центр которого, сменяя друг друга, выдвигались подхваченные пульсирующим ритмом музыки пары, чтобы под подбадривающие хлопки и одобрительные выкрики продемонстрировать своё искусство. Свингующие джинсовые колени Боба Солнцева вошли в синхронную гармонию с пронизывающими строфами куплета очередной песни в исполнении Чабби Чекепа: «Twist again like we did last summer».

Генка Башилов, прогнувшись назад, выстилал своё тело почти горизонтально над поверхностью площадки, демонстрируя безупречное владение накаченным брюшным прессом в попытке впечатлить Ленку Головлёву из соседней группы, которая, балансируя, наклонилась над ним и покачивала распростёртыми в стороны руками, наподобие парящей над водой чайки. Ярилось июньское солнце, тёплый ветер обдувал разгорячённые лица. Воздушные платица пёстрыми мотыльками вспархивали и вновь закрученными складками обнимали оголённые девичьи ноги, свободные от надоевших колготок и обутые в «лодочки» с вырезанными носами и откровенные босоножки с ажурным плетением, сквозь кожаные ремешки которого с вызовом выглядывали зазорные пальчики с ярко накрашенными ноготками. Роскошное лето 90-го года качало и нежило в руках свои самые любимые цветы.

Голова Данилы туманилась. Всё было необыкновенно хорошо. Огорчения и заботы исчезли. Не существовало ни вчерашнее, ни завтрашнее. Было только сегодня и сейчас. Славка Колаш с Олегом Кретовым опять что-то колдовали с музыкальным центром, подбирая очередной саундтрек, который позволил бы отдохнуть от изматывающих «половецких» плясок. Непередаваемый тембр голоса Prince успокаивал и выводил на лирическую дорожку романтики, прильнувшие в медленном танце тела. Стоявшая рядом с Данилой Ирина Щаховцова, взяла его за руку и повела в центр круга.

– Это белый танец, – прошептали её губы.

– «If I was your girlfriend», – всё настойчивее убеждал Prince, уже не скрывая, что он на стороне всех влюблённых. Каштановые локоны Ирины всё чаще касались и щекотали рдеющие щеки Данилы, всё ниже клонилась к нему её прелестная головка. Лежащая на тонкой талии рука явственно ощущала плавные колебания её бёдер. Разливающаяся в нагретом, пряном воздухе мелодия всё плотнее обволакивала тела, соединяя и, вплетая их, друг в друга. Через тонкий поплин рубашки Данила отчётливо ощущал взволнованный стук Иринино сердца, которое словно птица, попавшая в силки, металось, билось и просилось на волю. Танец сильнее и сильнее стягивал их воедино, и вот уже нога юноши прошла между ног подруги и уже не могла и не хотела покинуть обретенное ложе. Данила поднял глаза к небу, словно надеялся в его бездонной синеве обрести поддержку и услышать подсказку в этот особый момент его жизни. Но только размытые ветром облака тянулись друг за другом, безучастно взирая на игру людских страстей и суету земной жизни.

Между тем, углекислые пузырьки шампанского видимо заключили союзнические отношения с вскипающими мужскими гормонами и шаг за шагом делали своё дело, взрывая в голове Данилы последние бастионы его обороны. Он вдруг почувствовал, как лицо Ирины, уже не отрывалось от его щеки и ещё теснее прильнуло к нему, затем медленно потянулось вверх и крохотные блестящие зубки осторожно, но настойчиво прикусили мочку его уха. Это было даже не приглашение. Нет. Это был вечный призыв женщины, отказа которому быть не должно и не может.

В голове юноши вспыхивали и гасли зарницы. Взбунтовавшийся мозг не мог больше выполнять свои функции, отключая одно за другим все сдерживающие логические построения. Исчезли зелёные гиганты-берёзы, растворились в дымке колеблющиеся фигуры друзей, не слышны более звуки музыки. Данила почувствовал, как погружается во что неведомое, раскрывающееся перед ним в широко распахнутых светло-карих глазах Ирины, в которых отражался бескрайний голубой небосвод. Тело просило и требовало, а сердце сомневалось и молчало.

Странная непреодолимая сила развернула их и, подталкивая, направила в сторону дачи, провела по скрипучей деревянной лестнице и безошибочно завела в одну из спален, в которой по центру стояла большая накрытая покрывалом кровать и, царил полумрак из-за задёрнутых портьер. Лёгкие одежды слетели сами собой, и перед отупевшим от эмоционального возбуждения взором Данилы открылось прекраснейшее в мире зрелище. Мраморно-белое тело Ирины, словно комета озарило тёмную комнату. Казалось, что не только трогать, но и смотреть на него он не имеет право, но девушка протянула руку и привлекла Данилу к себе. Он стал медленно погружаться в исходившую от неё тёплую негу.

Алые губы Ирины приоткрылись, обнажив ровную перламутровую шеренгу зубов, из-за которой высочил маленький влажный язычок, словно искавший неведомой встречи, и наконец, обретя её, чутко и требовательно, слегка касаясь, пробежал по его высохшим губам, призывая склониться к её рассыпавшимся в стороны грудям с плотными окружающими коричневыми сосками. Плающее лицо юноши погрузилось в прохладную, вспотевшую от возбуждения ложбину между высокими и трепетными склонами, и невидимый маленький кузнечик желания всё настойчивее застучал молоточком в его висках. Все мускулы атлетического тела Данилы напряглись. Какая-то удивительно мощная энергия стала копиться внутри него, собираясь в тугой узел, а потом, вспыхнув молниевым разрядом, обрушилась куда-то вниз, туда, где его ждало ещё более острое, непередаваемое по своей силе наслаждение.

– Ты мой, мой, не отдам тебя, – как-бы в полузабытьё шептали губы девушки.

Хвала пиитам, воспевающим восторги физической любви под защитительным покровом Афродиты.

На следующий день Данила проснулся очень поздно. На часах было уже 11.00, и в квартире было очень тихо. Предупредительная тётя Вера не стала дожидаться, когда её любимый племянник соизволит привести себя в порядок, и ушла по делам в свой институт, оставив ему на кухне лёгкий завтрак, прикрытый бумажной салфеткой. Данила открыл, а затем снова крепко зажмурил глаза, стараясь прогнать остатки сновидений. Потянулся всем своим сильным телом, с удовольствием ощущая в нём необычную лёгкость и, напряженившись, одним толчком выбросил себя из кровати. Хорошо было пройтись босиком по комнате, размахивая во все стороны руками. Хорошо было высунуться из открытого окна и ощутить закипающую круговерть родного двора. Хорошо было потянуться и подставить ладони солнцу. Всё было хорошо. Хорошо быть очень молодым. Только немного потрескивала и шумела голова, да отчего-то саднило в носоглотке.

– Вчера было здорово, весело, необыкновенно, – думал Данила, – а Ирина, прелесть. Только, как и почему это случилось? Ведь вместе проучились четыре года на одном курсе, на одном потоке, но я редко видел её или не обращал внимания. Какая удивительная и замечательная девушка. Хочу позвонить ей, спросить. О чём? Не знаю. Ну, о чём-то. Главное услышать её голос.

Данила зашёл в ванную комнату, включил подсветку зеркала и стал внимательно изучать своё лицо.

– Ну, так, ничего. Сносно. Но откуда взялась эта щетина, – продолжал размышлять он, растирая жёсткий подбородок. – Ничего себе! Ну и хорош ж я был вчера? Такой щёткой только людей пугать. А этот взбитый ёжик на голове? Я что, всю ночь буравил головой подушку? Надо привести себя в порядок. В таком виде я и по телефону с Ириной разговаривать не смогу.

Только бицепсы, постоянно вспухавшие на его руках и твёрдые кубики мускулов на животе, не вызвали у него нареканий. Закалённое спортом тело мгновенно откликалось на любой нервный импульс и порой удивляло его самого своей гибкостью и выносливостью. Успокоенный этими наблюдениями он нанёс мыльную пену на ладонь и принялся равномерно растирать её по щекам, скулам и вытянутой для удобства шеи. Затем выбрал любимый бритвенный станок и принялся выскребать своё лицо.

Почувствовав себя вновь бодрым и ухоженным, Данила одел лёгкую бейсболку, затёртые голубые джинсы и прошёл на кухню, чтобы забросить в топку молодого организма чего-нибудь съестного из того, что приготовила его замечательная тётя. Пока работали челюсти, его взгляд всё чаще стал задерживаться на телефонном аппарате, а в груди росла непонятная тревога.

– Она, наверное, сама уже ждёт. Может, волнуется? Где я? Почему не звоню? – Данила беспокойно заёрзал на стуле. – Я должен ей немедленно позвонить. А что я ей скажу вначале? С чего, вообще, начать этот разговор? Может, сперва сказать: доброе утро, дорогая. Как спалось? Нет, глупо. Звучит пошло. Надо что-то другое придумать. Но я должен ей позвонить. Почему должен? Откуда это обязательство?

Огорчённый этими непонятными для него самого сомнениями, Данила с некоторым усилием заставил себя взять в руку трубку телефона, открыл записную книжку и набрал ставший ему знакомым телефонный номер.

– Алло, алло, – хрустальными каплями прозвучал бархатистый голос Ирины. – Данила это ты?

Данила решил больше не мучить себя изобретением вариантов вступительной речи. Это как на экзамене бывает. Заходишь в кабинет с убеждением, что вообще ничего не знаешь, не запомнил, а потом память вдруг начинает подбрасывать спасительные ответы и решения.

– Ир, это я, – слегка запинаясь, чуть сдавленным голосом ответил Данила. – Ну, как ты?

– Всё хорошо. Ты молодец, – Данила купался в переливах её голоса. – Приезжай ко мне. Ты, когда сможешь?

– Ир, сегодня у меня есть пара дел. Надо успеть раскинуть их. А, если завтра? – облегчённо вздохнул Данила, так как будто с его плеч свалилась какая-то тяжесть.

– Ладно, пусть будет завтра. Не забудь позвонить заранее. Ты знаешь, я в конце недели улетаю к родителям. – Родители у Ирины были сотрудниками советского посольства в Болгарии, которая в те времена считалась хорошим для работы местом. А, кроме того, там было Чёрное море, «Златые пясцы» и дружелюбие близкого нам по менталитету народа.

– Конечно, я обязательно позвоню.

– Ну, вот и замечательно. Целую тебя. Не забудь, – ещё раз повторила Ирина.

Данила соврал или вернее был неточен. На сегодня у него было только одно дело, да и то всего лишь теннисная тренировка на «Динамо», но ему нужны были эти сутки, чтобы прийти в себя и восстановить прежнюю уверенность в себе. Что-то не отпускало и томило его, как будто он в чем-то провинился или совершил ошибку. Но где и когда?

Поздно вечером позвонил Лёшка Аксаков:

– Старик, ну ты где пропадаешь? Везде тебя ишу. Есть разговор. Надо пересечься. Хорошо. Завтра. Ну, где, где? На нашем месте, в Лужниках, в десять.

Прибежавший первым на место встречи Лёшка, был взъерошен как воробей. Увидев подходящего Данилу, он заорал ещё издали:

– Ну, что ты тащишься, ей богу? Здесь стоящее дело намечается.

– А что ты распрыгался? Случилось что?

– А вот что. Едем в Сочи.

– Что? Как в Сочи? Мы же решили уйти в поход по Валдаю. Я уже и спальный мешок приобрёл.

– Ну, какой Валдай? Валдай подождёт. Лучше говори, ты как, согласен?

– Подожди, подожди. Это как снег на голову. Дай сообразить.

– Да что здесь соображать? Здесь время не ждёт, а ты мямлишь.

– Ничего не мямлю. Просто сейчас никаких путёвок уже не достать. Очнись, мечтатель, уже самый конец июня. Все места в пансионатах выкуплены. Ты хоть понимаешь это, чудак?

– Это ты чудак. Никакого пансионата, никакого санатория. Появилась уникальная возможность. Нам могут забронировать два номера в гостинице в Адлере. Понимаешь, как классно? Здесь Никита Фирсов постарался. Он «мошник», то есть с факультета международных отношений. Может, знаешь его? Нет? Неважно. Главное, что у него мать в Интуристе работает. Только раздумывать долго нельзя. Бронь закрывается завтра.

– Ты знаешь, я всё же подумаю.

– Ну, ты телок, Дэн. Об Ирке Шаховцовой всё думаешь? Так она через пару дней уезжает к родителям в Болгарию.

– А ты-то, откуда это знаешь? – Данила был неприятно поражён тем, что даже Лёшка знал о планах Ирины. Ему хотелось бы думать, что только с ним Ирина может делиться своими сокровенными мыслями.

– А что здесь такого? Уж не ревнуешь ли ты? Так это напрасно. Она многим об этом говорила. Одним словом, Дэн. Сегодня подумай, а завтра с утра позвони мне, о чём надумал. Иначе меня подведёшь.

Через неделю скорый поезд «Москва-Адлер» отправился с Курского вокзала в точно установленное расписанием время. В поезде было много вагонов, много купе и много пассажиров. Все надеялись через полтора дня увидеть роскошный знойный Юг, ласковое тёплое Чёрное море, высокие лесистые Кавказские горы и галечные пляжи, забитые пережаренными на солнце телами.

В одном из таких купе, где по случаю жаркого дня была откинута фрамуга, хлопали под напором встречного ветра занавески и скрипели на стрелках багажные полки. Попахивало

угольком от топившихся водогрейных титанов; приглашающе постукивали друг о друга стеклянными боками бутылки с пивом, и звучал смех от обязательных дорожных анекдотов.

– Вот, послушайте, – рвался в очередные рассказчики Лёшка Аксаков:

– Приехал студент на море, идёт по пляжу. Видит голая девушка загорает. У него челюсть отвисла, а она его спрашивает: «Ты только что приехал? Да? Я тебе ещё не давала? Нет? – Девушка скручивает из пальцев кукиш и тычет в рожу парню – Тогда на...».

– Ха, ха, ха, – раскатывается по купе.

– А вот у меня, у меня... – старался перехватить инициативу Славка Колаш.

Всем было хорошо. Весело. Позади была длинная сессия, впереди многообещающий отдых и южные приключения. Вот только Даниле было немного грустно. Не то что, что ему было жаль расстаться с Ириной на два месяца. Время летит быстро, но вот то, что она радовалась поездке в Болгарию больше, нежели чем встречам с ним, вызывало досаду.

– Вот что, давай «преф» распишем, – многозначительно предложил Никита Фирсов – Идея, – радостно возопил Лёшка – Это без меня, – усомнился Данила – Ты что компанию ломаешь? Не по-товарищески как-то, – удивился Лёшка – Считать варианты надо. Утомительно. Не хочу. Лучше подремлю чуть-чуть. Устал немного.

– Это что, Ирка, тебя так утомила? – съязвил настырный Лёшка. Остальные принялись легонько похихатывать.

– Да ну вас. Глупо и не уместно. – Отрезал Данила и полез на свою верхнюю полку. Ему действительно хотелось побыть одному и расслабиться. Уютно постукивали на стыках колёсные пары, мерно покачивался на путевых переходах вагон. Можно было спокойно о чём-то подумать, а ещё лучше подремать.

– Оставь его, – придержал Слава Колаш не в меру ретивого и язвительного Алексея Аксакова. – Пусть отдыхает.

– Действительно, – поддержал его Никита. – Чего ты к нему прицепился? Давай лучше в «буру» сгоняем. Быстрее и проще будет.

Зачмокали открываемые пивные бутылки, забулькала пенная жидкость в стаканах, расположились на бумаге прихваченные с собой колбасные бутерброды и домашние пирожки. Центральной фигурой на столе воцарилась немного засаленная от долгого употребления колода карт. Программа на весь оставшийся путь была составлена.

Хорошо на Чёрном море. В 80-е годы прошлого века черноморское побережье Большого Сочи, да и Крыма, считалось одним из любимых мест отдыха населения Советского Союза. В высокий сезон людей приезжало столько, что мест не хватало ни в больших помпезных санаториях, ни в скромных пансионатах, ни даже коек в убогом частном секторе. В дело шли любые деревянные навесы в тенистых перевитых диким виноградом внутренних двориках, а иногда и расширенные до разумных пределов собачьи будки, специально вычищенные для буйного и всеядного племени «дикарей».

Поездка на разбитом «пазике» к озеру Рица приравнивалась к восхождению на гору Килиманджаро, прогулка по сочинскому дендрарию к походу через дебри Амазонки, а колючие каменистые пляжи к белому песчаному взморью острова Аруба.

После того как «скорый» повернул налево и превратился по сути в обычную пригородную электричку, которая с усердием и скоростью черепахи, тащиась вдоль нависшего горного отрога, оставшихся в поредевших вагонах пассажиров охватила типичная курортная горячка, побуждавшая их выбрасываться вместе со своими сумками и чемоданами наподобие обезумевших китов на узкие тротуарные перроны с диковинными названиями: Лазаревское, Лоо, Хоста и тому подобное. Вот он земной «рай». Справа переливалось в белых барашках синие море, на лежаках нежились загорелые счастливицы и слышались звонкие голоса разносчиков мороженого и сельтерской воды.

И вот уже Данила Бекетов яростно бил струнами ракетки по звонкому теннисному мячу, взрывая фонтанчики пыли на грунтовом покрытии сочинских кортов. Прибывшая четвёрка искателей острых впечатлений легко и без напряжения начала вписываться в местную элиту отдыхающих. Московские студенты вообще отличаются от других «племенных» групп славного студенческого рода своей стремительной активностью и умением выхватывать из предлагаемых местных условий самое лучшее и интересное. Их натренированный в жёстких экзаменационных схватках ум ловко и изобретательно справлялся со всеми каверзами и ограничениями, выдуманными сочинскими организаторами массового отдыха. Не прошло и пары дней как Данила и Алексей уже завоевали авторитет как необоримая теннисная пара. Слава, увлекавшийся йогой, прославился тем, что как Ихтиандр мог пронырнуть на одном дыхании тридцать метров, а Никита снискал популярность барда местного разлива своим умением сносно брэнчать на гитаре походные песни.

Очередной жаркий июльский день неожиданно оказался богат на события иного рода. Водные процедуры до обеда были завершены, и на море идти больше не хотелось. Взглянув на часы и убедившись, что до ужина ещё очень далеко, Алексей предложил:

– Послушай, Дэн, давай сгоняем партию в бильярд. – Друзья поднялись на второй этаж, где размещался игровой зал с большим полукруглым баром и несколько столов, покрытых зелёным сукном. Пока они вынимали из стойки и придирчиво перебирали кии, к ним подвалил какой-то безликий мужичок за сорок в ситцевой рубашке и подзадоривающим тоном спросил:

– Ну что, молодёжь, партию в пирамиду на пару сыграть с нами слабо?

– Почему слабо? – возмутился заводной Алексей. – Давай расставляй шары.

– Молодец, тогда на коньяк? – возрадовался шустрый мужичок. – Согласны? Уступаем вам «разбой»?

– Да не вопрос.

Были ли это просто скучающие постояльцы гостиницы или профессиональные «разводилы» на «интерес» для москвичей было неважно. Партия, так партия. Пирамида из блестящих бильярдных шаров монолитным треугольником выстроилась по центру стола. Данила подогнал к себе биток, выставил его на удобную для себя позицию и нанёс сильный и резкий удар кием. Шар с треском влетел в правую от Данилы лузу. Риск оказался оправдан, другие его собраты раскатились по всему зелёному полю стола. Теперь можно было неспешно собирать урожай. Счёт начал постепенно расти. Мужички заметно занервничали, и чтобы привести себя в чувство всё чаще стали прибегать к испытанному средству, заказывая для себя в баре всё новые рюмки коньяка.

На столе оставалось совсем немного шаров и уже было понятно, что судьба партии была предрешена. Энтузиазм у мужичков исчез: один в замешательстве мял рукой свой подбородок, другой стоял в стороне от стола, опираясь на свой кий как на костыль, всем своим видом демонстрируя безысходность и неверие в успех. Удар был за Алексеем, который, держась обеими руками за край стола, вначале присел, высматривая лучший вариант для удара. Затем встал, нашёл позицию для опорной руки, далеко назад отвёл кий и нанёс им резкий словно шпагой выпад вперёд. Раздался хлёсткий звук столкнувшихся шаров, которые ударившись друг о друга, разлетелись в разные стороны и точно влетели в дальние лузы с такой силой, что чуть не проломили ограничительные стальные дужки. Это были знаменитые «штаны», эффектный рассчитанный на невзыскательную публику приём, весьма популярный у второразрядных бильярдистов-любителей. 8:2.

Всё – это была победа. Простая и убедительная. Прозвучали редкие одобрительные хлопki присутствующих, мужички полезли в карманы за деньгами, чтобы приобрести в баре проигранную бутылку коньяка, невнятно бормоча что-то о реванше. Данила махнул им рукой, давая понять, что игры больше не будет, а их коньяк не нужен.

На душе было хорошо. День задался. Оставалось только одно мероприятие. Было решено вечером пойти в ресторан «Маяк». Четверо друзей решили, что пора познакомиться с приезжими девчонками, так как понятно, что без них никакого нормального отдыха быть не может.

«Маяк» располагался недалеко от гостиницы на небольшом каменистом плато у одного из общедоступных пляжных мест, где можно было не только загорать и купаться, но и нырять с бетонных блочных волнорезов, каждый раз радуясь тому, что удалось не напороться на торчащую в разные стороны железную арматуру. Удовольствий в Сочи было много. В ресторане подавали недорогие свиные шашлыки, дешёвое вино и много маринованного лукового салата. А главное была живая музыка и танцевальная площадка под крышей. Вечер был в полном разгаре, ресторан пил, ел и веселился под бравурные мелодии южной широты. Зажигательная лезгинка, сменялась сочинённым по случаю местным композитором барабанным шлягером, который последовательно переходил в проникновенную рассчитанную на скороспелые курортные романы лирическую песенку на народные слова, типа «...это плыли две луны, это были я и ты...».

У Данилы, Алексея, Славы и Никиты настроение было соответствующее: много шума, много смеха и много девушек, которые с каждым глотком кисловатого рислинга становились всё красивее и привлекательнее.

– А я вот, хочу познакомиться вон с той девушкой, – заявил Алексей, указывая на столик, стоявший поближе к эстраднему помосту.

– А нужно ли? – усомнился Никита, – Она, похоже, уже занята. – И он был прав, так как на двух девушек приходилось сидящих за столом целых трое жгучих южан.

– Да, ладно, – отмахнулся Алексей, здесь собственников нет, – и, отодвинув свой стул, направился в сторону интересовавшего его объекта.

– Можно вас пригласить на танец? – Лёшка галантно наклонился к выбранной им девушке. Та подняла на него глаза и перевела вопросительный взгляд на одного из кавказцев.

В зале гремела песня, ставшая хитом всех времён и народов – «Эх, Одесса, жемчужина у моря...». Курортный люд всколыхнулся и помчался вскачь в танцевальный круг.

– Ты, что, порядка не знаешь? – приподнялся со своего стула один из южан, – Ты у меня, спроси, а я тебе отвечу, что она не танцует.

– Пусть она сама об этом скажет, – не унимался неугомонный Алексей.

– Ты, что сам себя не понимаешь? – в глазах кавказца заметались грозные огоньки, – Так мы тебе сейчас всё объясним.

Данила, наблюдавший со стороны за разворачивающейся мизансценой, заметил:

– Пора выручать нашего Жигало. Похоже, он огрёл себе неприятности. Посмотрите, какая у него рожа пунцовой стала.

Друзья переглянулись, встали из-за стола и стали пробираться к месту разворачивающегося конфликта.

– Ты хочешь знать, кто я такой? – бурлил неуступчивый Лешка, – Так я тебе отвечу, что я москвич.

В воздухе начали скапливаться грозные облака намечавшейся генеральной схватки, в которой помимо Лёшкиных друзей готовились принять участие и делегаты от некоторых других столиков, любители острых ощущений.

Потом, встречая ресторанных знакомцев на пляже или в гостиничном кафе, наши студенты вынуждены были признать, что южане оказались вполне нормальными и отзывчивыми ребятами. Грузинское сердце горячее, но отходчивое и долго обид не помнит.

На следующий день за завтраком Данила поинтересовался у Алексея:

– Чего это тебя с цепи сорвало? Зачем полез на эту девчонку? Других здесь, что ли мало?

– Да ты понимаешь, Дэн. У меня это лето – последний холостяцкий отдых. Потом больше не будет. Отгулять напоследок надо.

– Ты что хочешь этим сказать?

– Да женюсь я. Осенью или зимой.

– Тебя что, так приспичило? Или встретил кого?

– У меня есть девушка. Хорошая, добрая. Зовут Люда. Кстати из Иняза. Так что всё удачно.

– Ну, ты её любишь или как?

– Конечно, люблю. Ну, ты, понимаешь, здесь дело ещё и в командировке. Мой отец постарался. Сразу после института могу выехать в загранкомандировку в торгпредство в Норвегию. Такими возможностями не бросаются. А у нас холостых за границу не выпускают. А ещё, если ты не знаешь, кадры любят, чтобы супружеский стаж был как минимум год. Вот и прикинь, что мне делать? Так что сейчас мне нужно отгулять и взять своё. Усекаешь?

Летний отдых набирал обороты.

Алексей нашёл себе «эстетическое» отдохновение в команде волейболисток из «Трудовых резервов», пребывавших в Адлере на тренировочном сборе, и пропадал у них в лагере порой по два дня кряду.

– Старик, ты чего маешься? – подбивал он, усмехаясь, Данилу. – Не упускай шанс. Хочешь, я тебя с этими спортсменками познакомлю? Клёвые девчонки, должен тебе сказать. Или возьми хоть ту девчонку с нашего пляжа. Она кажется из ростовского «меда». Надёжный и безопасный вариант. Она о тебя все глаза стёрла. А? Как?

– Вот, что, Лёха, я уж как-нибудь сам разберусь, без твоих дурацких советов, – Данила крепко хлопнул по плечу своего не в меру ретивого друга.

Как говорится – всему прекрасному когда-нибудь приходит конец и, хотя отдыхать – не учиться, но то же надоедает.

Сентябрь предвещал массу хлопот, связанных, прежде всего, с преддипломной практикой. Кому-то предстояла полугодовая загранкомандировка с обязательными сборами, суетой и материнскими переживаниями. Как-никак, а любимое чадо впервые отрывалось от родительской опеки и допускалось в сложный мир взрослых, но большинство пятикурсников осталось в Москве, справедливое полагая, что в московских библиотечных фондах можно найти весь необходимый материал для написания дипломной работы.

Первые дни в институте после летней паузы – особенные дни, когда все как бы заново знакомятся друг с другом. Вроде всё, как и прежде; и лица и голоса те же, но уже в них появилось что-то новое. Все чуть-чуть изменились, стали немного старше, значимее, интереснее.

Многие товарищи Данилы предпочли тоже не покидать родных стен института: Алексей занимался больше амурным обхаживанием своей будущей невесты. Слава скрылся в каземах Ленинской библиотеки, решив выцедить из её архивов уникальные откровения для своей дипломной, и надеялся ими сразить государственную комиссию. А Борис вовсю наслаждался обрётённой свободой от лекционного графика, одной рукой подбирая научные выкладки, а другой собирая билеты на футбольные матчи начавшегося футбольного чемпионата Союза.

Данила легко бы мог уехать в Австрию под родительское крыло, но решил остаться дома именно по этой причине, так как уже научился ценить самостоятельность, которая давала неоценимое чувство личной независимости и приучала к ответственности за принятые решения. Ирина метеоритной звёздочкой мелькнула на горизонте и вновь упорхнула в свою Болгарию, чтобы продолжить вдумчивую работу над дипломом на ставшем для неё привычном песчаном морском пляже. Немного странно, но большого огорчения по этому поводу Данила не испытывал. На душе было покойно, сердце билось ровно, не предвещая никаких любовных переживаний.

Осенью 90-го года московское студенчество жило своей размеренной жизнью в соответствии с распорядком, разработанным в течение многих предыдущих благополучных десятилетий: командиры и комиссары летних студенческих отрядов отчитывались о результатах удар-

ного труда перед Центральным штабом ССО, на заседаниях курсовых и факультетских бюро ВЛКСМ свёрстывались годовые планы работы, рядовые студенты возобновили своё излюбленное занятие – точить зубы о гранит науки, а умудрённые перипетиями многолетнего учебного процесса пятикурсники уже прикидывали варианты трудоустройства, которые им сможет предложить строгая выпускная комиссия, уже разучившаяся изумляться ровным рядам троек в их табелях итоговых оценок.

Казалось, ничего не предвещало грядущих событий. В то время невозможно было поверить в то, что совсем скоро не будет больше никакого ВЛКСМ, понятие государственного распределения на работу исчезнет как миф, а наличие высшего образования не будет иметь никакого принципиального значения в вопросах извлечения максимальной прибыли и формирования уровня социальной престижности. Ещё нельзя было себе представить, что грозные раскаты, доносившиеся из-за долин и карпатских предгорий Восточной Европы, перешагнут рубежи Родины и станут тревожной явью грядущего дня. Однако признаки неизбежных изменений уже начинали обозначаться.

Не первый месяц как из вуза стали один за другим исчезать бывшие сокурсники, собравшись по учёбе из стран социалистического содружества, где всю зарплату плавильные печи «Институтов памяти», железной метлой вычищавшие из государственных и общественных структур представителей прежней, коммунистической элиты. В институте остались только те представители иностранных землячества, которые не желали смириться с новыми обстоятельствами и ни собирались порывать связующую их нить со своей «Alma mater».

Как-то вечером позвонил Алексей:

– Послушай старик, – без предисловий начал он, – ты куда запропал? Всё закисаешь над своим дипломом?

– Да нет, – спокойно ответил Данила, – в данный момент я читаю книгу.

– Да ну! А какую, если не секрет?

– «Старик и море» Хемингуэя.

– Ну, ты даёшь. И чего ты взялся за неё?

– Она мне интересна. Я был на Кубе и хорошо могу представить себе эти события, а кроме того, она учит жизни.

– Это хорошо. Значит, ты не устал учиться, – съязвил Лёшка, – но у меня есть кое-что получше для тебя.

– Ну, говори. Опять, что-нибудь выдумал.

– Наоборот. Это не я, а другие о тебе подумали. Одним словом, через две недели наш комитет комсомола запланировал интернациональный вечер. Участвуют все факультеты, будет КВН или «капустник», а потом танцевальная программа. А вот под неё ансамбля пока что нет. Здесь и вспомнили о тебе – ты же ударник в «The Miracle's». Так, что завтра дуй в комитет и всё согласовывай.

– Ну, ты и проныра, Лёха. Везде поспеваешь.

– Сейчас время такое. Надо уметь вертеться. Ну что, договорились?

– Договорились.

Молодёжная поп-культура в восьмидесятые годы вступила в период эпохальных и необратимых преобразований. На Западе сложился и набирал популярность новый музыкальный тренд, который получил торопливое и не совсем корректное название «новая волна», в котором принципиально нового было немного, если вообще что-то было. Этому направлению неискушённые специалисты дали самое правильное определение – «эkleктика» или смешение всевозможных популярных стилей, созданных гениальными талантами со времён ещё джазовой поры тридцатых годов.

Ребята из «The Miracle's» конечно не могли даже мечтать о том, чтобы получить популярность равную таким грандам российской рок-сцены как героические «Кино» или «Нау-

тилу», но им очень хотелось подсмотреть и включить в свой репертуар хотя бы небольшое заимствование из творчества «Travelling Willburys». Появление перед публикой преображало их. С гитарами, саксофоном и клавишной «расчёской» они становились настоящими героями на час, звёздами, блиставшими на скромных студенческих и школьных вечерах.

Группа спокойно могла бы обойтись без ударных инструментов, но Данила был их другом, да и само присутствие ударника, пусть даже эпизодическое, придавало законченный вид и солидность маленькому музыкальному коллективу. Одним словом, Данила был из их числа и имел право говорить от их имени, даже на таком уровне как комитет ВЛКСМ института.

Данила был даже где-то рад этой возможности. Свободного времени было много, дипломная работа писалась легко, в теннис играл тогда, когда хотел. Всё казалось было хорошо, но странное неведомое ему раньше чувства беспокойства и ожидания стали всё чаще закрадываться в его сердце. Он был один. Нет, конечно, рядом с ним были его друзья: Слава, Борис, Алексей и другие, с которыми было хорошо и привычно. Был спорт, посиделки в кафе, общие дела в институте, но уже что-то новое входило в жизнь студента пятого курса.

Возможно, это было осознание того, что неотвратимо надвигалось окончание вуза, наступало время, когда безвозвратно исчезнет привычный распорядок буден, распадётся сплочённый товарищеский круг, и жизнь разберёт каждого по новым адресам. Безусловно, каждый станет частью чего-то большого, необоримого, которое будет устанавливать для них свои законы и правила, которым не противоречат, а приспосабливаются, даже если этот незримый, но очень суровый кодекс поведения противоречит их воле и желаниям.

Данила стал вдруг замечать, что курс зримо изменился. Нет, он, в принципе, оставался всё тем же, даже более того, приобрёл больше уверенности, даже оригинальности, ведь в нём остались только те, избранные, кто не сдался и преодолел все препоны четырёхгодичных испытаний, но курс начал дробиться. В нём стали возникать стремительные движения или лучше сказать преобразования, развиваться силы особого взаимного притяжения. Уже не каждый свободный вечер мог быть посвящён молодецким затеям. Всё чаще стали проскальзывать извинения, типа: «Извини, старик, но сегодня я занят. Иду в кино, а то и в театр». А иногда ещё точнее: «Иду не один».

Стали образовываться пары. Мальчики, а особенно девочки, не хотели просто так покидать родные знакомые стены института и уходить в неизведанное свободное плавание, в котором их ожидали случайные встречи и опасные жизненные рифы. Предприимчивый и неунывающий Алексей уже почти не отрывался от своей Людмилы; всегда самоуверенный в себе и задорный Борис теперь ходил немного смущённым и, похоже, привыкал к какому-то новому для себя состоянию. Славка регулярно строчил кому-то записки и получал такие же пространственные ответы, которые заставляли его срываться с места и исчезать в неизвестном направлении, нарушая данные товарищам обещания.

Хотя сердце Данилы молчало, но душу уже тосковала. Ирина была прекрасна, но искорка вспыхнула и погасла, уносясь, прочь в потоках воспоминаний. Не суждено ей было стать тем магическим огнём, который дотла сжигает воспламенённые души и раскрашивает серую череду буден в радужные краски безграничного счастья.

Через две недели штатив с микрофоном в руках вокалиста группы «The Miracle's» рычал и стонал, и перелетал справа налево и обратно. Друг Данилы ещё со школы, Колька Завьялов, своими движениями и акцентированными позами казалось, превзошёл самого Джоуи Темпеста; а струны лид и бас-гитар готовы были слететь со своих тремоло-бриджей. Ударная установка превратилась в грохочущий водопад звуков, задавая ритм и музыкальную архитектуру для всей композиции. Не отставал от своих товарищей и Данила.

Ну не мог же он, ударник, ударить лицом в грязь перед своими институтскими коллегами. И потому он с энтузиазмом бил и бил палочками и щётками по своим крэшам и басам, вызывая вибрацию в воздухе и ногах танцующих. Вечер удался на славу. Народ оттягивался как мог.

Веселье было общим и искренним без нотки натянутости. На своём собственном вечере в родном институте развлекать других и не развлекаться самому – это тоже поступок. Прыгающий, топающий и вскрикивающий зал объединил всех, увлекая в разноцветный круговорот веселья и отрешённости от всех печалей и забот. Со своей задней линии Данила видел многих своих беззаботных сокурсников, с удовольствием наблюдая за выкрутасами Бориса, танцевальными фантазиями Алексея, который даже под рок-мелодию умудрялся не выпускать из рук свою невесту Людмилу.

Но вот в центре зала чрезвычайно ловко, чутко следуя ритму буги-вуги, отплясывала одна пара. Парня Данила знал. Это был Никита Фирсов, с которым они недавно так славно провели время в Адлере. А вот его партнёршу он совсем не знал потому, что ни разу не видел в институте, ну может быть просто из-за того, что она училась на каком-нибудь другом факультете. Именно она создавала наиболее привлекательный танцевальный образ. Хотя движения партнёрши Никиты выглядели обычными, за ними чувствовалась особая отточенность и незаурядная танцевальная практика. Никто в зале не танцевал так хорошо и с таким чувством размеренности и понимания существа танца.

Сама девушка была одета весьма просто, в голубые джинсы и длинную блузку, перетянутую в талии тонким черным пояском. Глаза Данилы уже не блуждали бесцельно по залу, а неотрывно следили за незнакомкой, за изящными движениями её головы, рук, всего гибкого тела. Девушка улыбалась Никите и это, почему-то, не нравилось Даниле. Она словно приковывала его внимание, всё больше занимая его мысли, и ему стало казаться, будто незримая нить начала вытягиваться между ними. В один из моментов Данила так увлёкся своими наблюдениями, что совсем не к месту, не в такт, грохнул своими крэш-тарелками с такой силой, что чуть не сорвал любимое соло Кольки Завьялова, который в это время самозабвенно выводил: «We are living together...». Хорошо, что после этой песни был объявлен желанный перерыв, и он не успел напороть ещё больше ошибок, чем окончательно подорвал бы свой авторитет надёжного исполнителя. Данила даже потряс головой, чтобы прийти в себя и стряхнуть нахлынувшее наваждение.

Спустившись с импровизированной сцены, он сразу оказался в центре внимания участников вечера.

– Ну, Дэн, ты даёшь! Молоток. Здорово у вас получается. Я не подозревал у тебя такие способности, – хлопал Данилу по плечу Алексей Аксаков.

– У вас по-настоящему классный крутой ансамбль, – вторил ему Володя Петровский, – Вы могли бы по Москве профессионально выступать, а у вас даже «синглов» нет. Себя не уважаете?

Улыбаясь и пожимая протянутые руки, Данила пробился через толпу друзей и пробрался наконец к Никите Фирсову, который отошёл от своей партнёрши и стал у приоткрытого окна. Танцы всё же утомили даже его.

– Послушай, Никита, а с кем это ты сейчас танцевал? – без предисловий начал Данила.

– Она с нашего курса, – повернулся к нему Никита. – А что?

– Хорошо танцует и вообще.

– Так уж, вообще? Понравилась, что ли?

– Понравилась, не понравилась, это дело другое. Ты её хорошо знаешь? Можешь рассказать о ней?

– Отчего же. Могу. Успокойся. Она не моя девушка. Учится на нашем курсе. Умная. Сама из ГДР, вернее теперь из Германии. Поэтому торопится – сдаёт экзамены экстерном. Ты же знаешь, какое там сейчас положение. С нашего 5-го МО больше половины ребят из стран бывшего социалистического содружества вернулись домой. Там уже другая власть, а их родители, как ты догадываешься, оказались в опале. Многие потеряли свою работу, уволены из государ-

ственных органов. Вот такие дела. А зовут её Элизабет Вальдбах. Хочешь, я познакомлю тебе с ней. Сегодня ты у нас звезда.

– Спасибо. Лучше в другой раз. Да вот, меня уже и зовут. Перерыв видно закончился.

– Давай. Успехов. Хорошо играете.

* * *

Часть II

И невозможное бывает возможным

*Встань, любовь моя! Ведь каждый уверяет,
Что возбудить тебя трудней, чем аппетит,
Который, получив сегодня всё, молчит,
А завтра – чуть заря – протест свой заявляет.*

Уильям Шекспир. Сонет 56 (перевод Н. В. Гербель)

Этот день Данила запомнил надолго, может быть на всю жизнь. Поздняя осень вступила в свои права, смывая с московских бульваров и парков последние краски минувшего лета. Люди зачихали и закашляли, понимая, что тепло ушло навсегда или, по крайней мере, на шесть долгих месяцев, и принялись доставать из дальних углов своих платяных шкафов толстые куртки, шарфы и зимнюю обувь.

В этот час дня институт казался пустым. Лекции и семинары закончились и самые находчивые и сметливые студенты уже давно покинули его коридоры с тем, чтобы раствориться на столичных просторах или укрыться за стенами многочисленных театров, музеев, спортивных залов, кафе и ресторанов. Но были и такие, которые в этот вечерний час предпочли жёсткие стулья вузовской библиотеки и лингафонных кабинетов. Одним из таких чудаков оказался Данила Бекетов, который направлялся по длинному гулкому коридору, чтобы разыскать в библиотечных фондах публикации в иностранной прессе, которые можно было бы связать с темой своей дипломной работы, посвящённой перспективам развития общеевропейского рынка.

Внезапно дверь одного кабинета распахнулась и в потоке яркого света возникла девушка. Это произошло так неожиданно, что Данила споткнулся и чуть не налетел на неё. Чтобы не упасть, он схватился одной рукой за край двери, а другой за руку незнакомки, в которой она держала сумку с торчащей из неё теннисной ракеткой.

– Здравствуйте, – раздался мелодичный голос незнакомки, в котором улавливался лёгкий иностранный акцент, – вы не ударились? Это получилось так, так, – девушка старалась подобрать подходящее слово, – так сразу. Я вас не видела.

Данила стоял и молчал, не произнося не слово. Какой-то нелепый ступор овладел им. Он даже не удивился тому факту, что незнакомка обращается к нему на «вы», хотя они несомненно были ровесниками и учились в одном и том же вузе. Эта была та самая девушка, которая так замечательно танцевала на музыкальном вечере две недели назад.

– Вы отдадите мне мою руку? – улыбнувшись немного в распев, произнесла она, – мне нужны обе руки.

Данила почувствовал, как на его руку легла мягкая тёплая ладошка, от прикосновения которой он вздрогнул так сильно, словно получил разряд тока высокого напряжения. Придя в себя, он с трудом разжал свои пальцы, выпуская руку девушки и оставив на её коже красноватые отпечатки.

– Меня зовут Данила Бекетов, – представился он, чувствуя, как пунцуют его щеки.

– А я знаю вас, – последовал ответ, – и вы ещё хорошо играете на, на. барабоне.

– Нет, на барабанах, а вернее на ударной установке, где много разных инструментов.

– Я понимаю, мне просто понравились песни вашего ансамбля, вот и всё. А зовут меня Элизабет, Элизабет Вальдбах.

– А это я знаю, – обретая былую уверенность, расплылся в улыбке Данила, – знаю и то, что вы из Германии и учитесь на 5-ом МО.

– Вы действительно много обо мне знаете, – легко вздохнула Элизабет, – интересно, почему и от кого?

– От моего товарища Никиты Фирсова. Он учится с вами на одном курсе.

– О, да, а ещё он любит танцевать.

– А я вижу, вы ещё играете в теннис.

– Иногда. Хорошо, что вы сказали об этом. Извините, я как раз еду на игру. Не хочу опоздать. До свидания.

Данила молча склонил голову и взглядом проводил удалявшуюся по коридору стройную фигуру загадочной девушки.

Ещё две недели кряду Данила напрягал все мозговые извилины, пытаясь найти ответы на мучившие его вопросы:

«Милая, красивая, аккуратная, – размышлял он, – таких много. И Надя, и Оля, и Алла и, конечно, Ирина. Но почему я думаю так долго и так часто о ней? Что в ней особенного? Я ведь совсем не знаю её. Видел-то только пару раз, и то ничтожно мало. Я же не наивный школяр-подросток, который мечется между своими пристрастиями, то к своей сокласснице, то к девчонке из соседнего двора, то к молоденькой математичке, заменившей на время приболевшего старшего учителя, а то испытывает влюблённость к очередной кинодиве в образе Мэрилин Монро, возникшей перед его воспалённым взором на равнодушном полотняном экране. Время несуразностей прошло и, Слава Богу. Я теперь много знаю, умею. В конце концов, уже взрослый. Скоро будет 23 года. Но что-то вновь и вновь лезет в мою голову. Не отпускает. Заставляет рисовать картины будущих встреч, ставит мучительные вопросы, а как начать говорить с ней? И откуда этот страх, нет не страх – это обидное слово, пусть будет лучше опасение показаться смешным в её глазах, нелепым, испытать позор снисходительной, а ещё хуже равнодушной, может быть вежливой, но от этого не легче, улыбки? Неужели может что-то значить мелодичный проникновенный голос? Или пронзившее тело молниеносная вспышка от прикосновения с её нежной податливой кожей? Или всё дело в магии ладных перетекающих танцевальных движениях её гибкого тела, которые недавно так жадно ловил мой взгляд? Нет, надо встряхнуть себя. С дипломной работой дел невпроворот, и немецкий язык застрял, надо бы договориться о дополнительных факультативных занятиях, и, конечно, не забыть о спорте, который является лучшим средством от всякой хандры».

Приободрившийся Данила снял телефонную трубку и начал накручивать номер Алексея.

– Ну, держись Лёха, сегодня я тебя точно размажу по корту.

Теннис, может быть, и является панацеей от многих жгучих проблем и помогает развеять многие тревожные мысли, которые напластовываются в голове и заставляют гореть кожу, потеть ладони и холодеть ноги, но в этом матче Данила был абсолютно не тот, как всегда. Мяч явно не хотел слушаться его. Он то летел за пределы корта, то умудрялся чиркнуть по краю ракетки и отрекошетить в стенку, но лучшей забавой для него было, несомненно, стремление влететь в сетку с тем, чтобы продемонстрировать, что сегодня Данила ровным счётом ничего не стоит.

– Что с тобой Дэн? – вопрошал Алексей, который уже давно перестал радоваться выигранным очкам и только изумлялся беспомощности своего партнёра. – Какая муха тебя укусила? Может ты проглотил за обедом какую-нибудь изысканную отраву из залежалых запасов нашей институтской кухни? Я тебя не узнаю. Таких низов исполнительского мастерства ты давно не демонстрировал. О чём ты всё время думаешь? Не видишь мяча, ракеткой машешь больше для отвода глаз. Может ты пояснишь, что происходит, в конце концов?

– А ты не очень удивишься, если я скажу, что я не смогу тебе ничего пояснить, – Данила сидел, согнувшись на скамейке в раздевалке, и расшнуровывал свои кроссовки. – Скажем так, бывают периоды в жизни, когда надо понять, что нужно сделать. Иногда это бывает крайне непросто, хотя бы, потому что ты не можешь определиться в своих желаниях.

– Говори, говори, – ухмыльнулся Лешка, – Сложно понять? Сложно понять? Какой сложный нашёлся. А, по-моему, всё предельно ясно. Маешься, потому, что Ирка в Болгарию укатила. Разве не так?

– Так, да не так, – Данила, был даже рад, что Алексей заговорил на тему, которая его волновала уже не так как раньше. – У меня с Ириной нормальные отношения. Письма она мне пишет. Правда больше о своих впечатлениях, о стране и экскурсиях. Ну, так что? Каждый был бы рад такой возможности побывать в другой стране.

– Да я не об этом, – досадливо поморщился Алексей, который уже успел переодеться и нетерпеливо поглядывал на Данилу, который не торопясь вкладывал теннисную ракетку в чехол. – Не подумай, что я влезаю в ваши отношения, или упаси бог, навязываюсь со своими советами, но всё же скажи мне. Отчего ты не женишься на ней? Очень приличная девочка. Я бы на твоём месте...

– Вот именно. Хорошо, что ты не на моем месте, но всё же отвечу тебе. Дело не в Ирине. У нас с ней самые добрые дружеские отношения. Дружеские, я подчёркиваю. И думаю, этот вопрос исчерпан.

– Хорошо, хорошо, – быстро согласился Алексей, – Дружеские, так дружеские. Ты только не вздумай обидеться. Я ведь только так спросил. Да и вообще я уже тороплюсь. Меня Людмила заждалась. Кстати, я хотел попросить тебя об одолжении. Тебе первому рассказываю. Знаешь здесь такое дело. Мы с Людмилой через месяц должны пожениться. А чего тянуть? Так вот я хочу попросить тебя быть на свадьбе тамадой. Ну, сам понимаешь, ты не только мой друг, но и вообще публично признанный человек: солист вокально-инструментального ансамбля, комсомольский вожак и так далее.

– Ну, ну расскажи ещё чего-нибудь, – поморщившись, прервал его Данила, – Солист, вожак? Ну, какая всё это чепуха. Ты ещё скажи, что я Фрэнк Синатра и Чак Норис в одном лице. А за приглашение спасибо. Буду. Рад за тебя. Пойдём, уборщица уже второй раз заглядывает в раздевалку.

Оставшись один, Данила почувствовал некоторое облегчение, такое, какое обычно возникает у людей после докучливого затянувшегося разговора, когда его тема не увязывается с внутренним настроением людей, и тогда беседа неизбежно превращается в досужее жонглирование словами, в котором кому-то надо решиться побыстрее поставить неизбежную точку. Хотелось побыть в одиночестве и просто пройти по вечернему городу, разглядывая пробегающих мимо своей характерной скороходью москвичей.

Этот город нравился Даниле. Он был не сложен для понимания, так как требовал от своих жителей усвоить только самые простые правила: не сиди на месте, не предавайся унынию, верь в себя и в город, и стремись к успеху. Город был похож на огромное колесо обозрения, установленное в каком-нибудь парке развлечений, которое иногда почему-то принято называть ещё и «чёртовым колесом». В нём люди, ожидая чуда и впечатлений, могут постепенно, как в капсуле машины времени, подняться на вершину славы и успеха, снисходительно обзревая сверху сразу ставших ничтожными и суетливыми человеческие фигурки, а затем, как часто и почти всегда бывает в жизни, низринуться вниз, чтобы опять слиться и раствориться в общей безликой массе.

Город мог всё: мог дать славу или осыпать денежными купюрами, мог поразить своим могуществом и вывести на свои проспекты толпы ликующих людей, но он не мог защитить и дать укрытие любви, самому естественному человеческому чувству, так как ежеминутно беспощадно разрывал и размывал его, потому что был эгоистичен и ревнив, требуя ежедневных жертвоприношений и поклонения только самому себе, чтобы насыщаться этой привязанностью, черпать в ней силы и существовать дальше.

Но сейчас Данила не думал об этом. Он просто шёл по знакомым плохо освещённым несмотря на вечерний час улицам, закинув сумку с ракетками за плечо и засунув руки в кар-

маны кожаной куртки. Он глубоко вдыхал осенний холодный воздух, получая от этого наслаждение, хотя не чувствовал в нём той первозданной свежести, которую может дать только запах свежеспаханной земли и клейкой майской листвы, ещё нетронутой летним зноем. Иногда он всматривался в раскрасневшиеся на первом лёгком морозце лица проходивших мимо девушек, стараясь на ходу понять вечную загадку таинственной женской души. Но девушки лишь улыбались ему, прищуривали подведённые глазки и проходили мимо. Прогулка взбодрила его. Он почувствовал себя вновь уверенным в своих силах. Глупо тянуть время и заниматься бессмысленными рассуждениями. Сознание подталкивало его к самому обычному и логичному решению.

Нужно встретить Элизабет в институте и поговорить с ней. О чём? Ну, конечно, об учёбе, дипломе, да о чём угодно. Ведь не съест же она его, в конце концов. Даже странно, что столько дней он мается над пустыми вопросами. Всё валится из рук, мысли раздёрганными клочками не дают сосредоточиться ни на дипломной, ни даже на теннисе. Надо же было умудриться просидеть сегодня Лешке оба сета.

– Ведь у меня всегда складывались отношения с девчонками. И я кажется их понимал. Ни одна из них, ни в школе, ни в институте не упрекнула меня в нечуткости, нахальстве или даже в простейшей назойливости. И сейчас и с Надей, и с Леной, и с обеими Олями, и конечно, с Ириной у меня самые дружеские отношения. С ними всегда хорошо, интересно, необычно. Почему? Да хотя бы потому, что они другие и не похожи на нас, как существа с другой планеты. У них другой смех, другой взгляд, другое тело и даже другой запах, и ещё что-то почти совсем неуловимое, которое можно почувствовать то ли в движениях головы, то ли в повороте плеч и бёдер, то ли во вкусе их губ. Это всегда нечто особенное, что без слов сокрушающее действует на мужчину, заставляя его из грозного повелителя обстоятельств превращаться в робкого выпрашивающего милость кролика. Нет, не бывать этому.

Я не кролик и не пугливый суслик. Я просто подойду к ней и предложу сыграть со мной в теннис. Разве плохо? Звучит нетривиально, значительно, и более оригинально, чем просто пригласить в кино или в театр. Ну и что, что Элизабет из Германии. Какая разница, что она иностранка? Ничего страшного. Учимся в одном вузе. В СССР живёт уже пять лет, да и приехала из социалистической ГДР. Значит и мировоззрение ничем от нашего не отличается. По-русски говорит почти без акцента. А самое главное, женщины везде одинаковы. Недаром мой любимый писатель Джек Лондон писал, что «Сестра сестру всегда поймёт и с лёгкостью срыгает с неё любой покров таинственности и ухищрений». Примерно так. А раз так, то тогда чего маяться? Всё нормально. Завтра мой решающий день.

Успокоенный этими мыслями, продрогший на промозглом ветру, и проголодавшийся Данила вбежал в метро и с удовольствием поспешил домой.

Завтра, войдя в здание института, он почувствовал, что ноги вдруг стали ватными, глаза смотрели, но не видели даже друзей. Прошёл Володя Петровский и кинул ему какое-то приветственное слово. Не слышал. Из какой-то аудитории вывернулся Борис Солнцев и издал махнул ему рукой. Не заметил. А вот, наконец, и двери лекционного зала, где у 5-го МО проходили консультации по предметам, подлежащим сдаче на госэкзаменах. Наконец, створки двери распахнулись, выпуская из помещения тонкий ручеёк пятикурсников. Сердце заколотилось как на стометровке, мысли сплелись в диковатый раздёрганный клубок, моментально разрушился отработанный невероятными усилиями сценарий знакомства.

Данила застыл как соляной столб, лишь оторопело перебирая глазами выходивших студентов. Он уже и не знал, что должен делать, и будет ли рад или нет, если вот сейчас и здесь она появится. Неожиданно мелькнула случайная, если не сказать трусливая мыслишка. А, может быть, сегодня я лучше уйду? Завтра, послезавтра я обязательно встречу её. Сейчас я не готов. Что я скажу ей? Очередную нелепость, и буду смешон. Смешон в её глазах и в глазах «мошников». А вдруг она выйдет не одна, а с кем-то? Ведь не может быть, чтобы такая девушка была

одна. И вот сейчас я увижу, как она смеётся чужим шуткам, обращивается к своему спутнику, и им обоим хорошо. Ну, скажем, с тем же Никитой или другим. Какая разница? Третий же всегда лишний. А здесь я, который не вполне знает, зачем он здесь и почему он такой нескладный? Позора не хотелось, ой как не хотелось. Однако Элизабет Вальдбах среди студентов не было.

Напрасно Данила две недели кряду таскался в МГИМО в надежде встретить её. Всё было напрасно. Пятые курсы имели практически свободный распорядок дня и могли выбирать себе занятия по своему усмотрению. Золотое время. У судьбы всё не так устроено, как думают и на что рассчитывают люди. Конечно, хочется, очень хочется заглянуть к ней в карман и вытащить заветную книжицу с раскладом своей дальнейшей жизни. Каждый не устоял бы перед таким искушением. Вот славно было бы всё знать наперёд. А если не так уж славно? Вдруг окажется, что проведение вынесло другой, отнюдь не благополучный вердикт, который не отсрочить, не отмотить не удастся. Тогда нет, уж лучше не знать. Ничего не знать. Пусть всё идёт своим чередом и порядком. Хорошее сменяет плохое, есть время для горя и время для радости, потери сменяются обретениями, а уныние счастьем. Всеми есть свой назначенный срок и своя путеводная звезда-надежда.

В этот день делать было действительно нечего. Утром Данила встал поздно, меланхолично выгладил джинсы и шерстяной свитер с высоким воротом, навёл блеск на свои любимые ботинки «а la техасец Джон» с высоким скошенным каблуком, натянул кожаную лётную куртку и отправился в город. Для проформы заглянул в институт и, наконец, решил, что хорошо было бы слегка развлечься и полчаса погонять шары в бильярдном зале на территории Парка культуры им. А. М. Горького. Потом и это надоело. По-хорошему надо бы вернуться домой и дописать очередной раздел дипломной работы, написание которой с недавнего времени шло неровно, скачками. Но уж больно не хотелось сегодня втискиваться за рабочий стол в отцовском кабинете и взнуздывать себя в «прокрустово ложе» наукообразных выводов и заключений.

На улице было хорошо. Светило нежаркое осеннее солнышко, заставляя прохожих безотчётно улыбаться и раскручивать на шеях припасённые для близкой зимы шарфы. Улыбался и Данила, также как и другие рассеяно наблюдавший за городской обыкновенностью. В такой день нет ничего лучше, как покинуть шумные запыленные автомобилями и людьми городские магистрали и спрятаться под покровом загадочного древнего Замоскворечья, где за каждым фасадом вековых зданий и луковичных окрестей патриархальных церквей притаилась могучая нераскрытая до сих пор заветная старина.

Данила ускорил шаг и уже намеревался свернуть в сторону от Якиманки, как его внимание привлекла идущая на встречу пара. Девушка и парень о чем-то оживлённо разговаривали, и им обоим было хорошо. Парня он не знал, а в фигуре девушке ему показалось что-то неуловимо знакомое, как будто он уже видел эту походку и плавные движения рук. Чем больше он всматривался в приближающуюся пару, тем яснее ему становилось, что он видит перед собой Элизабет, ту, которая в последнее время стала безотчётной причиной его мечтаний, а вернее сказать мучений. Данила оторопел и застыл на месте. Уйти или обойти стороной молодых людей было уже невозможно. Это было бы не только невежливо, но что хуже всего Элизабет сочла бы его бегство за трусость. Такого позора он допустить не мог. Но с другой стороны, как неловко всё получилось.

«Какая нелепая ситуация, – лихорадочно размышлял Данила. – Она же со своим молодым человеком. Это сразу видно, а тут я со своими нелепыми предложениями. Встречи и разговора не избежать, но пусть он будет максимально коротким, чтобы не стать обременением для всех».

– А Данила, здравствуй, – воскликнула Элизабет «Она впервые назвала меня по имени и обратилась ко мне на «ты», – мелькнуло в голове Данилы. – Как это здорово, и какой же у неё мелодичный и проникающий голос». А вслух он сказал:

– Да вот, шёл здесь, э-э-э, по делам, в общем...

– А это Гюнтер Шнайдер, познакомься, пожалуйста, – выручила его Элизабет. – Гюнтер учится в МГУ в аспирантуре.

– Добрый день, – произнёс сухощавый темноволосый юноша, поправляя большие роговые очки и добродушно улыбаясь, – рад с тобой познакомиться.

Данила молча пожал протянутую руку.

– Ну, я должен торопиться, – слегка картавя, проговорил Гюнтер, – мой профессор Поливанов не любит ждать. Он очень строгий.

Гюнтер ещё раз протянул руку Даниле, потом приложился, не целую, к щеке Элизабет и, ещё раз махнув на прощание рукой, заторопился в сторону входа в метро «Ленинский проспект».

– А я здесь живу, в этом районе, совсем недалеко – опять слегка улыбнувшись, сказала Элизабет, – ты проводишь меня?

И она подняла свою голову, всматриваясь в глаза Данилы. Данила молча кивнул головой, ничего не различая кроме лучистых зелёных озёр её глаз и рассыпавшихся по плечам густых белокурых волос. Фыркали проносившиеся по улице автомобили, проходили мимо погруженные в свои заботы люди. Куда-то торопившаяся тётка, обвешанная со всех сторон сумками и сетками, зазевавшись, влетела в спину Данилы и моментально перешла в атаку:

– Стоят тут. Только людям мешают ходить.

Жизнь шла своим обычным порядком. И то верно. Глупо стоять как заворожённые. Надо что-то делать или говорить. Ничего не поделаешь с этим бурлящим и переменчивым миром. Разве кто-то из снующих вокруг прохожих мог себе представить, что он пробегает мимо нарождающегося чуда? Кто из нас может хотя бы вообразить себе, что где-то рядом на расстоянии протянутой руки возникает нечто великое, хрупкое и нежное, и очень беззащитное? Может быть, именно об этом думал старик Фрейд, прогуливаясь по аллеям Шёнбрунна и почёсывая свою лысую голову, и тревожился об уязвимости человеческой любви.

– А вот и мой дом, – произнесла Элизабет, когда они подошли к большому, похожему на огромный куб зданию – яркий пример хрущёвского железобетонного конструктивизма. Этот дом существует и сейчас, нависая монолитной громадой над прилегающим архитектурным ансамблем Калужской площади. В былые времена, как, впрочем, и сейчас, дом находился на попечении Управления по обслуживанию дипломатического корпуса МИД и выполнял роль своего рода убежища в окружавшей его советской действительности для дипломатических и консульских работников различных представительств иностранных государств, разместившихся в Москве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.